

Евгений Бузни

# ТРАЕКТОРИИ СПИДА

Книга третья  
АЛЕКСАНДРА



2010

Евгений Бузни

**Траектории СПИДа.  
Книга третья. Александра**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

**Бузни Е. Н.**

Траектории СПИДа. Книга третья. Александра / Е. Н. Бузни —  
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Последние годы жизни державы СССР. Страна накануне коллапса, о приближении которого знают пока лишь единицы. На героиню романа наваливаются новые несчастья. Настенька клянётся себе принимать удары судьбы без слёз и стойко выдерживает судебный процесс по обвинению её в убийстве. С помощью друзей она побеждает, но это был не последний удар. Девушка обретает счастье в семейной жизни тогда, когда митинговые страсти и избирательные кампании делят общество на враждующие стороны. Политические трюки развалили на части не только державу, но и миллионы человеческих судеб, одной из которых оказалась судьба Настеньки.

## ЕВГ. БУЗНИ

### ПРЕДИСЛОВИЕ

*Ну вот, дорогой читатель, мы и добрались с вами до третьей книги, которую я называю “Александра”, и понятно почему. Вы ведь помните, что Настеньку, когда она только родилась, называли Сашенькой. Это произошло по той простой причине, что явилась она на свет в день рождения деда Александра, а того, как явствует история, называли таковым в честь Александра Сергеевича Пушкина, которого кто же не любит в России? Родители более позднего Александра лелеяли мечту, что сын тоже станет поэтом, однако этого не произошло.*

*Напряжённое послереволюционное время сделало Александра военным человеком – танкистом. Но настоящая военная жизнь началось с того, что он уехал воевать добровольцем в Испанию. Возвратившемуся оттуда в числе немногих героев в начале декабря сорокового года, ему, теперь уже старшему лейтенанту, позволили съездить на несколько дней в Москву, где он успел в этот короткий срок не только повидаться с родителями, но и жениться на своей соседской девчонке Катьке, выросшей к тому времени в такую красавицу Катерину, что он не сумел пройти равнодушно мимо и тут же уговорил девушку выйти за него замуж. Хотя, возможно, это она его уговорила – дело не в этом. Главное то, что недельное счастье, выпавшее на их долю, продолжалось для Кати всю жизнь, воплотившись в рождении дочери Ирочки.*

*До нападения фашистов на Родину снова приехать в Москву не удалось, а потом уж тем более было трудно. К ноябрю тысяча девятьсот сорок второго года Александр был уже продыmlенным пожарами войны обстрелянным водителем тяжёлого танка, имея на своих погонах два просвета с двумя звёздочками подполковника, а на груди орден и три медали за бесстрашие. Воюя в танковом корпусе Ротмистрова, ставшего впоследствии маршалом и министром обороны Советского Союза, смелому человеку всегда было дело.*

*Подполковнику довелось лишь однажды наскоро повидать чудные глазёнки малышки, когда дали ему неделю для отдыха перед крупной операцией, когда стягивались войска к месту новой дислокации. Так что ни первых шагов по жизни девчушки, ни её стройной фигурки в юности видеть ему не посчастливилось, так как, вернувшись десятого декабря на передовую, а именно к реке Чир, он погиб в танковой атаке немецкого плацдарма высоты хутора Рычковский. К этому плацдарму в то время приковано было внимание самого Верховного Главнокомандующего Сталина, который поручил именно корпусу Ротмистрова ликвидацию непокорного немецкого укрепления, находившегося в каких-то двухстах километрах от Сталинграда, за который шло тогда знаменитое сражение.*

*Двухсотдневная битва, в которой погиб дед Настеньки, переломила ход войны, уничтожив четвёртую часть всей живой силы фашистов и позволив Красной Армии перейти в контрнаступление, завершившееся победой в Берлине. И бой за хутор Рычковский тоже был выигран танкистами Ротмистрова. Но какой же бой обходится без гибели воинов? Вырвался Александр со своим танком вперёд, яростно круша брошенные в панике немцами батареи первой оборонной линии, ринулся, не останавливаясь, ко второй линии, но наткнулся на лобовой залп опомнившегося врага, выскочил из горящего танка и был скошен пулями автоматчика, и лёг бездыханным, уже не слыша, как другие танки его товарищей давили всмятку осмелевшую было оборону фашистов. Потому и не стал Александр ни поэтом, ни воспитателем Ирочки, ни дедушкой Верочки и Настеньки. А они, родные ему, но помнившие о нём лишь по фотографиям, узнавали о подвиге пращура по рассказам однополчан да по страницам военной летописи.*

*Настенька, будучи ребёнком, отказалась от имени Саша, чтобы не путали её с мальчиками, но, когда подросла и узнала историю своего имени, не раз жалела о детском решении, да привыкла к Настеньке и продолжала себя называть ею. По документам же по-прежнему*

числилась Александрой, и теперь ей всё чаще приходилось об этом вспоминать, расставаясь окончательно с детством и детскими представлениями о жизни.

А жаль всё-таки, дружище читатель, что та искренность, которая существует во взаимоотношениях между детьми, пропадает неожиданно во взрослом состоянии, когда вместо доверчивости появляется подозрительность, вместо беспрдельной доброты приходит расчётливая скупость не только на деньги, но и на ласки, добрые слова, хорошее отношение. И что примечательно? Чем богаче человек в материальном смысле, тем он беднее в духовном отношении. Почему бы это? Мне вот какой ответ приходит в голову.

Когда ребёнок в яслях, мы не будем рассматривать. Он слишком мал для выражения своих чувств, кроме потребности в том или ином необходимом для его жизни. Тут нет выбора: что нужно, то и просит. Хотя и в этом маленьком человечике замечаются весьма отличительные свойства характера. Один сидит на руках и, радостно улыбаясь, предлагает тебе свою соску, другой, увидев тебя, если не заплачет, то спрячется за плечо матери, а, пообвыкнув к незнакомцу, ухватится за пуговицу на его пиджаке и уж никак не согласится её выпустить, требуя только себе. Подозреваю, что эти особенности малыша тесно связаны с первыми впечатлениями от поведения матери при кормлении, от её отношения к окружающим. Не зря великий наш педагог Макаренко говаривал, что о воспитании ребёнка следует думать до того, как он родится, так как потом уже поздно.

Зато жизнь у ребятнишек в детском саду любопытна тем, что живут они в равных условиях, когда ни у кого нет особых привилегий, нет преимуществ даже в том случае, если одних детей приводят пешком, а других везут на личных авто.

В школе, колледже, гимназии и прочих подобных заведениях опять-таки существует или, по крайней мере, имелось раньше почти полное равенство, при котором успеваемость, выражающаяся в отметках, чаще всего была прямо пропорциональна знаниям ученика, его способностям их выявить на уроках. В этот период взаимоотношения между равными ещё вполне искренни. Тут даже богатство родителей не всегда имеет значение, так как общие занятия при одинаковых условиях сравнивают детей, вынуждая их открыто любить или ненавидеть друг друга по совершенно другим признакам, о которых не боятся говорить откровенно, присваивая соответствующие клички, выражая ими полную независимость суждений.

Но вот, чуть за порог школы – и стали взрослыми. Всё. Кругом разные люди, на разных ступеньках власти, карьеры, благосостояния, и каждый говорит:

– Это тебе не школа. Тут держи ухо востро. Хочешь жить – умей вертеться, не торопись высказываться, говори вслух не всё, что думаешь.

А зачем вертеться, юлить, обманывать? Разве нельзя просто жить, доверяя каждому, и требовать этого же от других по отношению к тебе? Но, оказывается, нет, так нельзя. Тот, у кого чего-то больше, хочет, чтобы у него этого было ещё больше, а тот, у кого этого меньше, не согласен с такой постановкой вопроса. И вот начинается борьба между теми, кто хочет устранить неравенство, и теми, кто на это не пойдут никаким образом. И борьба эта ведётся вечно с момента превращения человека из обезьяны в гомо сапиенса.

Может, так задумано природой? Но посмотрите на антилоп, газелей, диких лошадей. Дерутся ли они из-за лучшего клочка травы? Нет, конечно. Травы на всех хватит. Но заставьте их голодать и потом бросьте пучок свежего сена в середину стада – передерутся мгновенно. Природное стремление к выживанию заставит бороться за еду, но не более того. Свирепый лев и тот, если сыт, не будет нападать на лёгкую даже добычу, чтобы набрать себе впрок.

А люди? Почему им никогда не бывает достаточно? Почему даже те, кто имел мало, но получил возможность иметь много, хочет теперь ещё большего? Вот что непонятно.

Но о чём это я? Прошу прощения у моего смиренно выжидającego читателя. Нельзя нам уходить от Настеньки, положение которой очень и очень не из лёгких. Ах, как хотелось бы



*помочь ей. Если бы только это было возможно, то, полагаю, и мои читатели кинулись бы к ней со своими советами и даже реальной помощью. Давайте же проследим за событиями, чтобы разобраться, что тут можно было сделать. Раскроем страницы истории тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года.*

## МОСКВА 1988 ГОДА

Столица огромного государства, занимающего по территории почти шестую часть обитаемой суши земного шара, что позволило российскому поэту Сергею Есенину гордо сказать:

"Я буду воспевать всем существом в поэте

Шестую часть земли с названием кратким – Русь";

столица гигантского единения более сотни различных народов, исторически распластавшихся своими селениями по лику земному настолько широко, что земными границами соприкасались с двенадцатью другими более мелкими государствами, с завистью глядевшими на силу и непоколебимость соседней могучей державы; столица морей и океанов, ибо страна её ежеутренне умывалась водами двенадцати морей, являвшихся частью трёх великих океанов из пяти существующих в мире; столица, десятки лет олицетворявшая спокойствие и стабильность народа, считавшего себя великим, как по численности населения, занимая третье место в мире по этому показателю, так и по значению в истории земли, доказав неоспоримо могущество духа и непобедимость в борьбе с иноземными захватчиками, что позволяло радостно петь прилюдно и просебя "кипучая, могучая, никем непобедимая, страна моя, Москва моя – ты самая любимая"; эта вот самая столица, равномерно отсчитывавшая пульс времени страны и всего мира, начала теперь и не вдруг закипать.

На Руси издавна любят пить чай из самовара. Тысячи и тысячи иностранцев раскупают русские самовары чаще всего в качестве сувениров, ибо откуда же им знать, если не всякий продавец расскажет, что чаепитие из самовара – это целое искусство? Прежде всего, важно, чтобы самовар был не электрический, а настоящий старинный, который требует сапога, чтобы огонь поддерживать, да берёзовых, дубовых либо сосновых полешек (кто какие предпочитает) для огня и особого вкуса чая. Но и это не всё. Главное теперь, когда вода налита и огонь горит, слушать самовар, чтоб подать его на стол в самое время, а он-то, самовар, его знает. Вот зашумел – это не иначе, как появляющиеся сначала мелкие отдельные пузырьки со дна самовара, теперь дружно собираются, и вот-вот начнётся их совместное белое кипение. Ну а как запел самовар, тут-то не зевай и подхватывай, так как кипение, что белым ключом называется, зачалось. А упустишь время, и забуллит злобно вода – чай испортишь.

Тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год был началом закипания, когда ещё не запенилась вода самовара столичной жизни белым ключом, но шум поднимающихся со дна пузырьков уже начался. Первые смельчаки уже кинулись создавать свои собственные частные предприятия. Они догадались, а может, кто подсказал, что в начинающейся перестроечной неразберихе довольно легко взять в аренду помещение даже в центре Москвы буквально за копейки и открыть будто бы невзначай маленькое кафе, которое будет отличаться от существующих государственных пищевых заведений прежде всего высокими ценами, берущимися за элитное индивидуальное обслуживание.

Чего проще купить в соседнем магазине, например, минеральную воду по двадцать копеек за бутылку, а продавать в своём кафе ту же воду по двадцать пять копеек за стакан? И здесь не идёт речь о воровстве. Обычная коммерция. В прежние времена это было бы названо спекуляцией, и такого предпринимателя тут же посадили бы на место, которое ему бы не понравилось. Но то раньше. Теперь же, подогреты газетной шумихой о вреде идей равноправия и новыми решениями правительства, начали всплывать на поверхность пузырьки, жаждущие скорой наживы.

Но, спрашивается, какой же, извините, дурак станет покупать стакан воды по двадцать пять копеек, если рядом в магазине можно купить целую бутылку за двадцать или на улице получить из автомата стакан обычной газировки за одну копейку? Какой смысл заходить в это элитное кафе, где двойными, а то и тройными ценами, по сравнению с теми, что красовались в обычных торговых точках, поражала не только минеральная вода, но и любой другой продукт? Захотите ли вы закусить салатом, за который ваш, пусть даже очень красивый кошелек, опустеет ровно на столько же, на сколько он стал бы пуст при употреблении обеда в ресторане, а стоимость даже простого ужина в этом кафе вывернула бы весь ваш месячный заработок? Нет, вы бы не захотели, да и большая часть москвичей заходить в новые предприятия по изъятию денег сразу же отказалась.

Только новоиспечённых владельцев подобных частных заведений это вовсе не приводило в волнение. Они на таких отказывающихся как раз и не рассчитывали. Не для них, обладающих среднестатистической зарплатой, устанавливались в прихожей кафе кресла и диваны, стены украшались зеркалами и необычными картинами современных модернистов. Не их внимание привлекали в полуосвещённых, интимно выглядевших залах сверхвежливые смазливые официантки с тонкими талиями и заметными грудями, подплывавшие к клиентам с загадочными многообещающими улыбками. Для среднеоплачиваемого большинства народа пока оставались государственные учреждения так называемого общепита.

А эти элитные кафе с элитными ценами предназначались для тех, кто готов был легко освободиться от денежного мусора, как они любили говаривать, попадавшего в их большие карманы и на сберкнижки праведными и неправедными путями в таком количестве, что они даже не знали, куда его деть, в какие ещё диваны или чулки складывать, и потому с великой радостью стали захаживать в новые очень дорогие кафе, куда уже не могла попасть и мозолить им глаза всякая, то бишь, шушера, живущая на одну зарплату. Это было большинство не по численности населения, а по суммам, хранившимся на их счетах и спрятанным в их кубышки.

Благодаря этим жуликоватым несчитанным деньгам, которые, как оказалось, их обладатели любили-таки тратить, основатели новых заведений к своему изумлению и неопишуемой радости вдруг заметили, как становятся миллионерами, иногда даже почти не нарушая существующие законы. Нужна была только оборотистость: найти товар оптом и подешевле, а продать в розницу и подороже.

Государство в лице его руководителей, занятое пока одной главной задачей – поскорее разрушить всё, созданное ранее, не только не обращало внимания на появляющихся новых миллионеров, но поддерживало их морально, ни мало не заботясь о том, что растущие непомерно доходы зарождающегося частного капитала начинают всё увереннее плыть мимо государственной казны и даже в другие страны.

Но то, что не хотели замечать государственные мужи, заметили другие пузырьки, тоже возжелавшие подняться на поверхность богатенькими Буратиными, но не имевшие при том ни малейшего желания столь же упорно трудиться на почве спекуляции. Они начали с накачивания мышц тела для того, чтобы затем, продемонстрировав их торговым раздувающимся от избытка денег пузырькам, потребовать от них разумной делёжки. Английское слово "рэкет" ещё не входило в обиход, но его значение и возможность применения уже начало пониматься и приниматься криминальными пузырьками, недавно освободившимися по амнистии из тисков заключения.

А по соседству начинали восходить кверху пузырьки политического толка, называвшие себя демократами. Отличие их от предыдущих было в том, что, если первые, поднимаясь на поверхность, старались изо всех сил не лопаться от гордости и уж тем более не шуметь (спекулятивная коммерция тишину любит), то эти демократические пузырьки, хоть и не имели сначала денег, а может, именно по этой причине, главной своей задачей ставили шум, и, поднимаясь к поверхности, обязательно лопались, издавая немало треска.

Второй год словами трещало общество "Память", заявляя, что Россия должна быть для русских, а Москва – москвичам. Одни обыватели их горячо поддерживали и тоже начинали писать на стенах домов лозунги в защиту русских, другие ненавидели, третьи просто возмущались их глупостью.

Начинало входить в традицию спорить по всем вопросам на углах улиц, в скверах и на площадях. Среди спорщиков появлялась, постепенно приобретая известность скандальностью, Новодворская. Брызжа слюной, чуть ли не с пеной у рта она обрушивала потоки грязи на Сталина, Ленина, всех коммунистов, революцию и весь социалистический строй. Её выступления казались многим слушателям бредом психически ненормальной женщины. Её неоднократные попадания в больницы с соответствующим диагнозом только подтверждали создававшееся впечатление. Но этот пузырь, лопааясь в одном месте, обязательно всплывал в другом.

В столице появлялись новые общества "Мемориал", "Гражданское единство", "Перестройка", фонды защиты детей, помощи участникам войны в Афганистане, жертвам трагедии Чернобыля. Они росли, как на дрожжах, эти общественные объединения и фонды, размещая повсюду коробочки, ящички, баночки для сбора жертвоприношений, существенная доля которых шла в карманы непосредственных организаторов этих кажущихся благотворительными акций, и лишь незначительная часть сборов попадала для видимости тем, кому предназначалось всё, что отдавал из своих кровных сбережений народ.

Так вот эти многочисленные пузырьки и пузырьки возникали отнюдь не случайно и вовсе не для того, чтобы складывать деньги в пузырьчатые карманы их созидателей, хотя им позволялось это в порядке компенсации за выполнение основной сюжетной линии постановки, режиссёром которой был, между прочим, не Горбачёв и не Ельцин, о которых много говорилось, а совсем другая, совсем тёмная лошадка, действовавшая не всегда открыто, но постоянно напористо и в одном направлении.

Тысяча девятьсот восемьдесят пятый год – начало перестройки. Горбачёв своими лозунгами ещё весь в социализме и объявляет год "Ускорения". Он Лидер коммунистической партии, необходимость которой у власти ни у кого не вызывает сомнения. И вдруг он получает записку от Александра Яковлева, в которой тот говорит не о чём ином, как о необходимости **"разделения КПСС на две партии, которые бы образовали демократическое поле соперничества. На этом пути они бы обновлялись, сменяли на основе свободных выборов друг друга у власти. Общество получило бы мощный заряд динамизма"**.

Не будем спорить о том, нужна ли на самом деле демократическому обществу многопартийная система. Опыт многих стран показывает, что существование даже двух партий приводит к бесконечной борьбе этих партий между собой за власть, а не за благо народа, о котором они в пылу борьбы фактически не то чтобы забывают совсем, но им некогда даже подумать по-настоящему, а чтобы что-то сделать реально полезное, так и совсем не хватает ни сил, ни времени.

В то время, когда поступила Записка Яковлева, Горбачёв возглавлял партию, в истории которой давно было покончено с оппозицией, партией, исповедовавшей в своём уставе возможность существования только одной партии. Казалось бы, получив другое мнение, отличающееся от уставных и программных положений, начни, как и положено настоящему честному коммунисту, открытый принципиальный разговор с оппонентом. На самом же деле Горбачёв давно перестал быть коммунистом с точки зрения устава. Потому обсуждений открытых не было, но, выступая перед журналистами в одной из встреч 1986 года, тогдашний генеральный секретарь коммунистической партии Горбачёв неожиданно заявил опешившим слушателям:

– Многие из наших консервативных проявлений, ошибок и просчётов, вызывающих застой мысли и действия и в партии, и в государстве, связаны с отсутствием оппозиции, альтернативы мнений, оценок. И здесь, на нынешнем этапе развития общества, такой своеобразной оппозицией могла бы стать наша пресса.



Горбачёв, говоря эти слова, предлагая журналистам занять вакантное место оппозиции власти, явно забыл, как только что убрал из состава ЦК оппозиционеров с другими мнениями и оценками Гришина и Романова, оппозиционеров в том смысле, что могли занять его кресло, которое он, захватив, уж не собирался никому отдавать. Но не в том ли главное, что слова Горбачёва как нельзя более отражали мысль Записки Александра Яковлева? И не потому ли этот самый автор Записки преобразовался в главного идеолога партии, ставшего за спиной всех оппозиционных власти газет и журналов, ставшего стеной защиты и опоры всем пузырькам, начавшим свой бурный подъём к закипавшей поверхности жизни государства? Не он ли был тем самым дубовым поленом, подброшенным в старый самовар для скорейшего закипания?

Или корни росли оттуда, где Макар никогда телят не пас, то есть из-за рубежа? А что? Почему нет? Составим простую математическую зависимость, скажем, для формирования, которое не называло пока себя партией, "Демократический Союз". С кем у него была математическая связь, от кого оно математически зависело? Отвечаем. От эмигрантской организации под длинным названием "Народно-трудовой союз российских солидаристов". Для простоты обращения они называли себя кратко "НТС". Дэс, то есть "Демократический союз", и НТС великолепно сдружились. Вопрос в том, к какому математическому равенству они пришли? А к тому, что было выражено в печатном органе этой самой организации НТС, их идейно выдержанном журнале "Посев", мартовский номер которого в качестве не рекомендации, а указания своим российским партнёрам, заявил:

**"В России необходимо провести, прежде всего, основную реформу, первейшую, суть которой – устранение от дел Коммунистической партии. Такую цель может поставить исключительно общероссийская политическая оппозиция".**

Этой оппозицией становился "Демократический Союз", взявший себе математической формулой устранение коммунистической партии, ибо только она могла помешать кипению вздувающихся пузырьков. Это уже их газета "Свободное слово", выпущенная в Советском Союзе, под негласным прикрытием всё того же Александра Яковлева, напечатала обращение к соотечественникам в тон указанию журнала НТС:

**"Будьте готовы к бескомпромиссной борьбе и к открытой конфронтации со жрецами и апологетами преступной государственной власти. Вы можете и должны: отвергнуть ныне действующую Конституцию; требовать выборы в учредительное собрание на многопартийной основе; провозгласить необходимость дезинтеграции империи".**

Тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год уже не стеснялся в призывах. Пузырьки самые разные, пользуясь случаем, поднимались вверх, где тут же забывали о том, что совсем недавно жили себе на дне самовара, который и вынырнул их и выпестовал.

Подходила к концу одна из тёплых майских ночей. В комнату сквозь прозрачные занавески большого окна медленно вливался утренний свет. В это время года он приходил совсем рано, поскольку, как говорится в поговорке: "Не к Риздву, а ко велико дню", – значение которой в том, что время уже идёт не в сторону Рождества, когда день сокращается, а ночь увеличивается, а наоборот – к увеличению дня и сокращению ночной темени. По сути, ещё была ночь – старинные большие часы в обеденной комнате только что хрипло пробили четыре раза, а в комнате Настеньки уже всё можно было рассмотреть. Вон на диване, свернувшись калачиком, сбросив почти всё одеяло на пол, крепко спит Вера. Она осталась в комнате с сестричкой и потому, что страшно было ложиться на кровать недавно умершего дедушки, и потому, что нужно было помочь Настеньке, которой сейчас так трудно.

Тяжело было всем, конечно. Дедушку любили. Ушёл он из жизни не вовремя не только потому, что его смерть фактически была связана с трагедией Настеньки, но и потому, что был ещё вполне силён и мог бы протянуть дольше. Никто не ожидал его скорой кончины. Татьяна

Васильевна планировала поехать с ним на дачу на всё лето, где проводить время в сборе грибов и рыбалке, которую он очень любил. И он так намечал себе, чтобы пожить ещё лет эдак с десять, а то и больше. Но не вынесло сердце старого солдата издевательств судьбы над внучкой, и умер он в ту же минуту, как увидел Настеньку, потерявшую сознание при появлении милиции с ордером на её арест.

Врачи привели девушку в сознание, мама с Верой отпаивали лекарствами, долго не решаясь сказать о смерти Ивана Матвеевича. Но в Настеньке, когда она пришла, наконец, в себя, словно что-то перевернулось внутри. Она строго посмотрела на плачущие лица и сказала:

– Так, нечего обо мне волноваться. С этого момента я становлюсь сильной. Нельзя так распускать себя.

Но подняться ей сразу не разрешили. Лекарства она послушно пила и ждала, когда придёт бабушка. Дедушка, она думала, сидит в своём кресле. Но бабушка почему-то не приходила, и на другой день, когда мама с Верой ушли на кухню, Настенька встала сама и, накинув халатик, пройдя по коридору, вошла в гостиную. Там почему-то была женщина в белом медицинском халате, ещё какие-то незнакомые ей люди и бабушка с красными заплаканными глазами, сидящая сгорбенно в дедушкином кресле.

Увидев внуку, Татьяна Васильевна вскочила, подошла к ней, обняла, прижав голову Настеньки к своей груди, и повела тихо в спальню, где на кровати, спокойно закрыв глаза, распластав по груди седую осанистую бороду, лежал дедушка.

Настенька всё поняла. Помня о клятве, данной себе, быть сильной, она застыла на месте с каменным лицом, закусив губы, но по щекам потекли слёзы. Что же делать? Она была женщиной.

Когда хоронили дедушку, ни одна слезинка не выкатилась из глаз, словно выплакала Настенька всё горе заранее. Они с Верой вместе вели под руки бабушку, совершенно убитую несчастьем, а за спиной гремел военный духовой оркестр. Совет ветеранов не забыл своего солдата-разведчика. Всё было сделано по форме. И чтить его светлую память искренне бывшие однополчане, соседи и родные ему люди.

Настенька на кладбище вдруг захотела сказать прощальные слова. Все боялись за неё, а осмелевшая вдруг девушка, сама не понимавшая, что с нею произошло, громко и чётко, словно очень хотела, чтобы дедушка её расслышал и понял, произнесла:

– Деда! Я знаю, что виновата перед тобой. Ты прости меня, пожалуйста! Но я обещаю тебе, что исправлюсь. Земля будет гореть под ногами у тех, кто помог тебе уйти раньше времени из жизни. Уж я постараюсь. Спи спокойно, дедик.

Настенька опустилась на колени и поцеловала холодный лоб любимого человека. Бабушка, мама и Вера заплакали навзрыд, а сосед Николай Семёнович подхватил Настеньку под руки и отвёл в сторону, где к ним сразу же подошёл Евгений Николаевич. Но девушка распрямилась, кивнула признательно мужчинам и направилась на помощь своему отцу, безуспешно утешавшему плачущих женщин.

Теперь, майской ночью, наблюдая всплывающий в комнату рассвет, спящую на диване сестру, летающую под потолком муху, Настенька задумалась над причиной её раннего пробуждения. Что-то словно подтолкнуло её изнутри. Это что-то будто хотело сказать о важном. Она прислушалась. В квартире было тихо. Часы прохрипели один раз.

– Половина пятого, – сообщила сама себе Настенька. – Так в чём же дело?

О! – И она запнулась от неожиданной догадки. – Да я беременна. Точно. Вот что не даёт мне покоя.

В голову сразу пришла последняя встреча с Володей перед его отъездом во Францию. Узнав, что анализ крови не показал наличия вирусов СПИДа, Настенька сначала не поверила. Она так свылась с мыслью о том, что больна, и потому надо торопиться жить, судьба казалась такой безысходной и предрешённой раз и навсегда – не иметь семьи, не рожать детей, не

познать счастья настоящей любви, – что информация, опровергающая все эти "не", казалась из области нереальности.

Но вот ей говорят, что у неё всё в порядке, всё хорошо. Она спрашивает, а как же это может быть, если тот... ну, который... словом, виновник, что был болен СПИДом... был с нею...? "Да-да, – отвечают, – бывает и так. Значит, родилась в рубашке, и пронесло СПИД мимо. Во всяком случае, в крови вашей ничего плохого не обнаружено, можете радоваться".

Тогда она и полетела домой на крыльях счастья обрадовать домашних. А тут вскоре подошёл и Володя. Она затащила его в свою комнату, заперла на ключ и зашептала, на ходу задёргивая оконные шторы, что хочет любви, о которой мечтала всю жизнь, хочет быть, наконец, женой, если Володя не передумал, хочет быть по-настоящему счастлива и доставлять счастье другим.

– Стоп-стоп-стоп, – заговорил тоже шёпотом Володя, поднимая перед собой руки и как бы загораживаясь ими от Настеньки, – это прекрасно, что ты здорова, но ты забыла о моей крови. Тут-то, к сожалению, ничего не изменилось. Я же говорил, что не могу связывать свою судьбу с твоей.

– Ах ты! – возмутилась Настенька. – Думаешь, я ничего не помню, кроме себя? Знаю я про твою кровь. Это, прежде всего, не то же самое, что СПИД. Тоже плохо, но лечить можно. В Париже не забудь спросить лекарства. А сейчас ни слова об этом больше. – И Настенька растегнула блузку, позволив белым шарам засветиться под туго схватившим их полупрозрачным бюстгалтером.

Впервые в жизни она раздевалась без капли стеснения перед человеком, которому готова была отдать всю себя. И она торопилась, боясь, что в споре о крови Володя победит, и она не успеет подарить ему счастье. А ей так хотелось поделиться своей радостью с ним. Она не могла быть эгоисткой. Кровь – это очень важно и очень опасно. Настенька понимала. Но сумеют ли его вылечить? Если ждать, то так он никогда не женится, никогда не будет счастлив. Этого нельзя допустить. Если кто и поможет ему, так только Настенька. И она раздевалась, вынуждая его медленно, но сдаваться, уступать её напору, её ласкам. Он всё-таки был мужчина, и слишком любил свою Настеньку, чтобы отказаться от того, о чём мечтал столько лет.

Когда, наконец, они оба, весёлые и счастливые, вышли в гостиную пить чай с вареньем, к которому сквозь закрытую дверь их громко приглашала бабушка, Володя был вне себя от смущения, полагая, что все догадались, чем они занимались в комнате Настеньки, хотя он и слышал от смеющейся подруги:

– Пусть догадываются. Мы же не собираемся расставаться. Приедешь со своих зарубежных курсов, и мы, так и быть, поженимся, если не найдёшь себе в Париже другую красавицу, получше меня.

– Лучше, Настенька, во всём мире не может быть, – отвечал Володя, нежно прикасаясь губами к щекам любимой девушки.

А потом была статья в газете, а ещё потом – милиция с ордером на арест.

Володя к этому времени уже был в Париже и узнавал обо всём по телефону, звоня чуть ли не каждый день.

Многочисленные связи, конечно, возымели своё действие, и прокуратура согласилась Настеньку пока не арестовывать в связи с её болезненным состоянием. Началась, что называется, закулисная борьба, затяжная и сложная.

Настенька, слегка оправившись от потрясений, не досидела положенные по больничному листу дни, и вышла в музей на работу. Там тоже не могли оставить без внимания судьбу своей молодой сотрудницы с настоящей, как говорила директор, корчагинской душой. Галина Ивановна, в прошлом сама работник ЦК комсомола, немало занимавшаяся вопросами идеологического воспитания, защитившая даже кандидатскую диссертацию по вопросам интернацио-

нальных отношений молодёжи, имела широкий круг весьма влиятельных в Москве знакомых, к которым и обратилась за помощью Настеньке.

Вика со своим женихом Игорем выходили своими звонками и встречами иногда на тех же людей, которым звонили из музея Николая Островского. Но это не мешало, а только подтверждало необходимость помощи девушке Настеньке, о которой все беспокоились.

Так что, проснувшись необычно рано майской ночью, Настенька, несколько привыкшая к мысли, что над ней висит постоянно дамоклов меч предстоящего суда, теперь думала всё-таки не столько о нём, сколько о неожиданном открытии. Понятно, что его придётся проверить у врача, но сомнений вообще-то не было. Признаки, о которых она уже знала по предыдущему опыту, указывали чётко на беременность.

Да, первый раз, когда это случилось, Настенька ничего не знала и не хотела знать. Ребёнок ей тогда был совершенно не нужен по тем причинам, что, во-первых, не было известно, от кого он мог родиться, во-вторых, это был бы ребёнок по насилию, а не желанию, и, в-третьих, будущая мать в те дни совершенно не готова была к материнству. Потому и пришлось отказаться от рождения человека, решаясь на операцию.

В данном случае ситуация представилась совершенно иной. Во-первых, Настенька знала отлично отца будущего ребёнка. Это был Володечка, которого она любила и за то, что он красиво пел, и за то, что был добр всегда, кроме детских лет, когда дёргал её за косички, и за то, что любил её, ничего не требуя взамен.

Во-вторых, ей очень хотелось иметь ребёнка. Теперь она представляла, каким он может быть. Если мальчик, то такой же круглолицый и ласковый, как Володя, такой же певучий и умный, как его отец. Если девочка, то тоже такая, только более женственная, как и должно быть. А глаза у него или у неё будут голубыми, как у Настеньки, а не папины, похожие на каштанчики.

В-третьих, Настеньке пора становиться матерью. А почему нет? Ей уже стукнуло двадцать пять. Много это или нет? Верочка вот спит себе и замуж пока не собирается. А Настенька не соглашалась с нею в этом вопросе. Ей казалось, что главное предназначение женщин всё-таки в продолжении жизни цивилизации. Эмансипация, равенство, высокие цели в плане перестройки общества, совершенствование мира, охрана природы – всё это правильно, однако без продолжения жизни, то есть рождения новых её обитателей, всё остальное бессмысленно. Природа сама о себе позаботится. Если бы не было людей, возможно, она была бы ещё лучше без промышленных газов и прочих отходов. Но человек существует, и тоже как часть природы. Нельзя же эту часть доводить до исчезновения. Потому надо рожать.

И тут кто-то хохотнул внутри:

– Рожать-то рожать, а кто воспитывать будет? Ты, что ли? Не в тюрьме ли?

Настенька опять задумалась. Если её действительно осудят. Чёрт знает, что сейчас происходит. Адвоката нашли в Москве. Ялтинский адвокат, о котором просил Евгений Николаевич, в принципе не отказывался помочь, но резонно пояснил, что дело может оказаться долгим, требующим постоянного присутствия в Москве, а это и большие расходы, и отказ от многих дел в Ялте. Он хотел подумать над предложением. Тем временем Володин папа Трифон Семёнович вспомнил о своём друге, брат которого слыл очень хорошим адвокатом. Обратились к нему.

Леонид Евгеньевич с довольно популярной на Руси фамилией Пермьяков, невысокого роста, кругленький, улыбчивый человек с негромким мягким голосом, умел спокойно выслушивать и практически сразу давать рекомендации, но, как он говорил при этом, предварительные. "Окончательно можно делать выводы, только хорошо всё продумав", – добавлял он. Так вот, по его мнению, дело Настеньки по сути выигрышное, но потребует большой подготовки. Сложность, как он считал, заключалась не в юридическом аспекте, а в политическом, который раздувается прессой. Разговор у них состоялся пока в общих чертах без особой детализации, а потому никаких гарантий никто дать не мог.

Вот Настенька и думала, что же ей делать, если политика победит здравый смысл. Но одни мысли были раньше, когда она была одна. О тюрьме да судебных разбирательствах у неё было представление совершенно книжное. Ей представлялось, как конвоиры ведут её в тюрьму, у ворот которой стоит Володя, и как он будет приходить к ней постоянно, принося цветы и передачи. Больше она ничего не могла вообразить.

Другие мысли появились теперь, когда встал вопрос о ребёнке. Что будет с ним? И даже дело не в том, что будет, пока он маленький. Всё зависит от того, сколько продлится этот судебный процесс. Вопрос несколько другой. Что он будет думать о своей матери? Чему сможет у неё научиться? Что она успела сделать для него?

Вот оно, главное, беспокоившее девушку и прежде. Что она сделала в этой жизни? Зачем жила? Ведь если её посадят, то всё остановится, а она ещё ничего и не успела. Ей припомнилась история с Достоевским. В таком же возрасте, как была сейчас Настенька, он написал свой первый роман "Бедные люди", который понравился самому Белинскому. А потом Достоевского тоже арестовали. Настенька тут же удивилась проскочившему слову "тоже", будто она уже арестована. Нет же, она лежит у себя в комнате и рядом спит её верная сестрица Верунчик. Но мысли продолжали свою линию в том же направлении.

Хорошо, она пока на свободе, но может оказаться и в тюрьме. Они же приходили за нею? Только её слабость спасла в тот момент от ареста. Не зря же говорят: от суммы да от тюрьмы не зарекайся. Основное всё-таки в том, что это может произойти в любое время. С этим надо считаться. Так вот, возвращаясь к Достоевскому, его приговорили сначала к смертной казни. Подумать только, какого писателя лишился бы мир. Но заменили каторгой и службой в солдатах. И вот десять лет было вырвано из жизни писателя. Но он успел им стать до каторги. Он, двадцатипятилетний, такой же, как Настенька сейчас. А ведь она тоже пишет. Почему она отказалась от публикаций? Предложения были.

Сама Настенька ни за что не решилась бы отнести стихи в редакцию, но родители. У них почти у всех сильно тщеславие. Им всегда хочется видеть в своём ребёнке гения. Вот и папа, в один из своих приездов из командировки, взял несколько стихотворений Настеньки да показал в журнале "Литературная учёба". Оттуда позвонили и попросили Настеньку прийти поговорить о её стихах. Они им, видите ли, понравились, но хотели бы почитать и другие. Настенька пришла и познакомилась там с очень симпатичной женщиной, которая назвала себя просто Лола. Да, лицо у неё было восточного характера: широкое с несколько раскосыми глазами. Говорить с нею, такой внимательной и желавшей только успехов молодым авторам, было большим удовольствием.

Настенька раскрыла перед нею одну тетрадку стихов. Быстро просмотрев их, Лола предложила приходить на литературные занятия и отобрать кое-какие стихи для публикации в журнале. Но то было несколько лет назад. Тогда Настенька немного испугалась и отказалась от публикаций, заявив твёрдо, что не считает свои стихи готовыми для всеобщего обозрения. И на занятия тоже так и не пошла, хотя писать стихи не прекращала.

Теперь мысли заскользили совсем быстро. Конечно, надо печатать стихи. Она не Пушкин и не Есенин, успевшие многое к двадцати годам, но у каждого свой путь. А Настенька тоже знает, что сказать сегодняшней молодёжи. У неё свои мысли. Они отличаются от того, что сейчас печатают. Может, потому сегодня её стихи не возьмут вовсе? Может, она уже опоздала с ними?

Настенька подскочила в кровати. Надо немедленно позвонить Лоле, если она продолжает там работать.

– Что это тебя вздёрнуло так рано? – раздался заспанный голос Веры. – Или уже пора вставать? Который час?

Настенька посмотрела на свои часы, лежавшие на тумбочке.

– Какое рано? Уже семь часов.

Она и не заметила, как пролетело время.

– Верунчик, а я тебя сейчас ошарашу. Я, кажется, беременна.

– Что ты говоришь! – воскликнула Вера и сама подскочила на диване. – Ты уверена?

– Ну, почти. – сказала Настенька, и они принялись обсуждать с сестрой довольно интимные детали, которые совсем не обязательны читателю.

После завтрака Настенька пошла на работу и оттуда позвонила в редакцию журнала "Литературная учёба". Лола была на месте и не сразу, но вспомнила девушку с неплохими стихами и нерешительным характером. Узнав, обрадовалась и предложила:

– Знаешь что, Настя, если хочешь, давай встретимся сегодня у ЦДЛ. Там сегодня как раз небольшая встреча по поводу открытия нового журнала, заодно расскажешь им о вашем музее.

– Где встречаемся? – переспросила Настенька.

– Да на улице Герцена. Недалеко от вас. В Центральном доме литераторов.

– А-а, поняла. Когда подходить?

– Без четверти шесть. Но не опаздывай. Без меня тебя не пустят. Там только по документам членов союза писателей пропускают.

Где находится ЦДЛ, а проще клуб писателей, Настенька знала хорошо, поскольку старинное мрачноватое здание из красного кирпича с широким козырьком, заметно выступающим над тротуаром, располагалось на соседней улице, идущей параллельно улице Воровского, у выхода на которую Большого Ржевского переулка и жила Настенька. Но ей ни разу не доводилось бывать в этом доме, так что начинать путь в литературу, который она наметила сегодня для себя, с посещения писательского центра, должно было быть хорошим предзнаменованием. Так подумала Настенька и, примчавшись из музея домой пообедать, живо выложила бабушке новость о том, что задержится сегодня на встрече с писателями. Подумав немного, она захватила с собой несколько листиков рассказа, который дал ей почитать Евгений Николаевич. Пришла идея показать рассказ Лоле, а то и кому-то из маститых писателей. Чем чёрт не шутит? Хотелось хоть как-то оказаться полезной своему новому другу из Ялты.

События развернулись против всяких ожиданий сверх интересно, хотя с определённой степенью трагедии. Настенька давно стала замечать, что трагедии почему-то так и носятся вокруг неё, цепляя девушку не одним, так другим крылом. Казалось бы, что тут может случиться? Ну, пришла на улицу Герцена, встретила у входа Лолу, которую легко было узнать по её необычному лицу с раскосыми глазами, вошли они через привычные для Москвы двойные двери, взятые в массивные деревянные рамы, сняли в раздевалке лёгкие весенние плащи, сдали с ними на вешалку сумочки с зонтиками внутри, прошли буквально на минутку в ресторанный зал, где Лола показала Настеньке наскоро для первого знакомства стены с автографами знаменитых писателей, оставленные ими размашистыми почерками в разгульные вечера, и прошли затем в небольшой зал, где собралось-то человек пятьдесят, не больше. Какие тут могли быть проблемы?

Лола посадила Настеньку на стул у прохода в центре между рядами и попросила придерживать стул рядом для неё, пообещав подойти чуть позже после другой встречи на втором этаже, где она должна быть обязательно с самого начала, куда тут же и удалилась.

Все остальные стулья уже были заняты. Кто-то побежал принести ещё, так как несколько человек стояло возле входа. Впереди за обычным длинным столом сидело трое мужчин: один худощавый с крупными залысинами на голове и двое поплотнее, только один с гладко выбритой головой, а другой с густой, хоть и седой, шевелюрой. На столе графин с водой, два пустых стакана и ваза с цветами. Всё выглядело весьма прозаично, буднично, а собравшиеся своим внешним видом напоминали не писателей, чьи произведения бороздят литературные веси страны, а то и мира, оседая на книжных полках миллионов читателей, а скорее слушателей, пришедших



на популярную лекцию "Поговорим о важном", то есть о сексе, семейных отношениях или о том, как сберечь своё здоровье до ста с лишним лет.

Это разочаровало Настеньку в какой-то степени. Она почему-то была уверена, что встретит хорошо знакомые в основном по телевизионным программам лица Роберта Рождественского, Чингиза Айтматова, Беллу Ахмадулину. Но, кажется, никого, подобного им, здесь не было. По-видимому, на встречу с такими людьми пошла сама Лола, посадив свою новую ученицу на заштатное собрание дилетантов. Что ж, придётся отсидеть. Это для начала знакомства с писательским миром не так уж плохо.

Фамилии сидевших в президиуме и выступавших назывались, но Настенька их раньше не слышала и потому не запоминала. Мысль о том, чтобы что-то сказать самой появилась неожиданно. Сначала она просто слушала, пытаясь извлечь для себя что-то интересное. Однако весь интерес был в том, что всё казалось неинтересным. Рассказали о новом журнале и его направлении. Никаких сверхзадач журнал не ставил. Что в нём будет специфического и ради чего он издаётся, Настенька так и не поняла. Это ладно. Их дело. Есть средства – пусть себе издают. Но вот стали выступать потенциальные авторы нового журнала. Поразило какая-то удивительная бесцветность стихотворений и всего, о чём говорилось.

Вот долговязый молодой парень, не выходя к столу, прямо с места, правда, поднявшись, чтобы его можно было заметить, начал читать свой рассказ. Описывал похороны, подробно рассказывая, кто с кем шёл, что нёс, что держал в руках, как пылила дорога. Настенька слушала и всё ждала, когда начнётся суть рассказа, а чтение, далёкое от художественного, – авторы часто не умеют читать, это всем известно, – вдруг оборвалось.

Настенька взглянула на читавшего, полагая, что он просто запнулся. Но нет, он гордо сел в ожидании комментариев. И они поразили Настеньку ещё больше. Выступавшие, очевидно, готовившиеся к этому заранее, возможно, друзья автора, стали расхваливать его жизненное описание, которое как в зеркале отразило происходившее.

Настенька не верила своим ушам и, едва дождавшись конца выступления очередного оратора, потянула руку, как в школе. Это получилось само собой. Из-за стола, с удивлением глядя на незнакомку, сказали:

– Пожалуйста, девушка. Вы что-то хотите сказать? Пройдите сюда и представьтесь. Мы вас не знаем.

Этого Настенька не ожидала, собираясь высказаться с места, но отступить было поздно и не в её правилах. Она подошла к трибунке рядом со столом, зашла за неё, как на студенческом семинаре и начала:

– Я из музея Николая Островского.

Краем глаза она заметила, как одобрительно кивнули за столом. Это немного придало смелости.

– Можно было бы, конечно, рассказать немного о том, какую мы там проводим работу, чтобы об этом написать в вашем новом журнале.

– В нашем журнале, – поправил из-за стола худощавый. – Вы ведь москвичка. Это и ваш будет журнал.

– Да-да, прошу прощения, – смущённо согласилась Настенька и продолжала. – Но о работе музея, если можно будет, мы просто дадим статью. А сейчас мне хотелось бы сказать по поводу того, что я слышу здесь. Вот был прочитан рассказ. Откровенно говоря, я даже не поняла, что он закончился. По-моему, в нём не было ни начала, ни конца. Не знаю, как вы считаете, но меня учили литературе таким образом, чтобы видеть в произведении начало, развитие, кульминацию и конец. Это обычные составляющие любого произведения, а тем более короткого рассказа.

– Ну вот, – донеслось из зала чьё-то громкое возмущение. – Опять начинается совковая политика. Мы это уже проходили.

Настенька не сдержалась. Щёки её загорелись. Она почувствовала, что руки сжимаются в кулаки. Неужели она попала на белогвардейское собрание? И она почти выкрикнула:

– При чём здесь совки или советы, что вы имели в виду? Это мировая литература и её требования к произведениям. А требования исходят от читателя, которому неинтересно читать ничего без завязки, изюминки. Конечно, жизнь надо описывать реалистично, однако должен же быть смысл в описываемом. Вот позвольте мне прочесть небольшой рассказ моего друга.

– Ну что это ещё? – возмутился опять кто-то из зала. – Зачем это?

Но Настенька, одетая в джинсовый костюм, элегантно обтягивавший всю её стройную фигурку, уже выдернула из бокового кармашка курточки, заготовленные для рецензии страницы рассказа Инзубова, и вопросительно посмотрела на президиум.

Тощий, очевидно, председательствующий, восторженно приглашавший красавицу из зала, теперь смотрел кисло и всё же произнёс согласие:

– Ну, хорошо, читайте, если это недолго.

Настенька начала:

– Рассказ называется "Такая тесная улочка".

Таких старых частей города остаётся все меньше и меньше. Но их можно ещё видеть, если подниматься по узенькой улочке вверх вдоль каменной стены, подпирающей пригорок, где, сверкая окнами веранды, будто стёклами больших очков, уставившись в землю подбородком, пристроился древний домишко. По другую сторону дороги, чуть ниже, растёт шелковица. Ветки её свисают низко, и нередкие прохожие, прижимаясь к стене, чтобы пропустить спускающиеся вниз легковые машины, при этом неизменно попадают головами в гущу листьев.

Сейчас лето и под ногами вся земля усеяна чернильными пятнами. Это временами падающие переспелые ягоды шелковицы топчутся и растираются ногами пешеходов. Однако над головой, куда могут дотянуться руки, все ягоды, даже зелёные, уже давно сорваны.

Дорога от шелковицы поднимается круто вверх и поворачивает налево. На внешней стороне поворота низенькие ступеньки каменного дома, окна которого выходят прямо на улицу.

Вечерело. Жара спала, и находиться на улице было очень приятно. На ступеньках дома сидел худенький мужчина лет пятидесяти в клетчатой поношенной рубаше, кое-где высывающейся краями из серых брюк. Негустые тёмные волосы были слегка растрёпаны, несколько прядей достигали впалых морщинистых щёк. Тонкие, но мускулистые руки смешно торчали из коротких рукавов рубахи, выдавая, что человек знаком с физическим трудом.

Он изрядно выпил и теперь хотел разговаривать. На его коленях лежала маленькая чёрная собачонка, чем-то напоминающая таксу. Она и была предметом разговора. Пьяненький мужчина гладил собаку по спине так, что она почти вся пряталась под его рукой и, глядя то на одного, то на другого прохожего, но ни к кому конкретно не обращаясь, громко философски говорил:

– А что, это итальянская собака. Она такая, что всем может задать. Она лучше любого барбоса, никому не спустит. Подумаешь, маленькая! Да она всех загрызёт. Да вот она только что бульдога облаяла. Видели бы вы, как она его... Это не какая-нибудь шавка. Да она такая...

Хозяин собаки остановился в поисках подходящего сравнения его любимице и, не найдя такового, всё же гордо поднял голову, ожидая, видимо, увидеть восхищённых его собакой слушателей. Взгляд его тут же упал на спускавшегося из-за поворота высокого широкоплечего человека. Грудь его была обтянута белой майкой с какой-то иностранной надписью и нарисованной женщиной. Тёмно-синие джинсы, подогнанные как раз по фигуре, делали молодого человека стройным и красивым.

Всё это уже как-то не нравилось сидящему на ступеньках мужчине. Однако больше всего ему показалось возмутительным то, что этот "франт", как он мысленно его уже обозвал, вёл на

поводу собаку, да какую! – овчарку и, очевидно, чистопородную. На груди, покрытой длинной коричневой шерстью, висела целая гирлянда медалей.

Овчарка, как и её хозяин, шла степенно, полная чувства собственного достоинства, всё видя, и в то же время, словно не обращая ни малейшего внимания на окружающее. Она шла как хозяйка по этой тесной улочке, уверенно переступая сильными лапами по разбитому дождями асфальту.

Маленькая чёрная собачонка, неподвижно лежавшая на коленях сидевшего на ступеньках дома мужчины, почувствовала напряжение, охватившее вдруг её владельца, и подняла голову. Секунды хватило ей, чтобы оценить обстановку, мгновенно слететь с благодатных колен и с тонким лаем броситься на приближающегося великана.

Пьяненький человечек сразу оживился. Его прищуренные прежде глаза теперь раскрылись, лицо заулыбалось и губы сами закричали, поддаваясь общему восторгу души:

– Куси его, куси, куси!

Молодой человек с овчаркой продолжали идти так же спокойно, как если бы вокруг ничего не произошло. Овчарка даже не повернула головы. Этого никак не мог вынести мужчина в клетчатой рубаше. Он готов был сам прыгнуть на них, но его собака и так не унималась, рыча, лая и кидаясь на овчарку, и всё же оставаясь на приличном от неё расстоянии.

И тут случилось неожиданность. Молодой человек кожаной подошвой лакированного туфля наступил на только что упавшую ягоду шелковицы. Нога заскользила и хозяин овчарки, хоть и сбалансировал, но всё-таки опустился на асфальт, правда, не спиной, а на руки, которые успел вовремя подставить... Обладатель чёрной собачки аж завопил от радости:

– Так тебе, пижону. Куси его, Нюрка, куси!

А Нюрка – так, оказывается, звали собачонку – тоже поняла изменившуюся ситуацию и кинулась к ноге молодого человека.

События замелькали, как на экране телевизора. Молодой человек рассерженно скомандовал:

– Взять!

Овчарка в то же мгновение схватила Нюрку поперёк туловища, и оно утонуло в огромной пасти.

Собачонка то ли от неожиданности, то ли от страха замолчала. Молодой человек оттолкнулся руками от земли, встал на ноги, взял выскочивший из рук поводок и, глядя на своего послушного питомца, опять отрывисто бросил:

– Фу!

Овчарка рывком повернула голову к спине и раскрыла пасть. Чёрная собачонка отлетела в сторону и шмякнулась на асфальт почти у самых ступенек дома. Впрочем, её шок уже почти прошёл. Она поднялась и, скуля и повизгивая, поджав маленький тоненький хвостик, направилась к ногам хозяина. А тот, опешив сначала ото всей этой картины, теперь встал, покачнувшись в сторону, неуверенно сделал шаг вперёд, и, негодуя, закричал:

– Так вы нас кусать ?!

Овчарка, будто осознав сказанное, повернула голову назад и встретила глазами с худым, едва стоящим на ногах, человеком. Тот хотел сказать ещё что-то обидное в адрес всяких проходящих тут по улице и мешающих ему отдыхать. Душа его воспылала желанием отомстить этому юнцу и, может, даже затеять с ним драку, но в это время он увидел взгляд собаки и сразу осёкся, споткнувшись о свою же ногу, остановился, поднял обе руки над головой, замахал ими и примирительно заговорил:

– Ну, ладно, ладно, мы не будем обижаться. Вы победили, а мы пошутили. Идите, мы вас не задерживаем.

Молодой человек шёл, не оглядываясь. Рядом, спокойно переставляя крепкие лапы, вышагивала овчарка, а житель узкой улочки сидел на ступеньках с чёрной собачкой на коленях и гладил её, увещевая мирным голосом:

– Ну, куда, ты, дура, прыгала? У них сила, во пасть какая! У них зубы. А мы с тобой шавочки. Нам на них не лаять.

Настенька закончила читать рассказ и посмотрела в зал. У последнего ряда стояла улыбающаяся Лола. Кто-то стал аплодировать. Лола поддержала. Но в президиуме смотрели на тощего. Он криво улыбнулся и, не глядя на выступающую, произнёс:

– У вас всё, надеюсь. Садитесь.

Настенька, ожидавшая большего эффекта от прочитанного, обескуражено пробормотала:

– Но я думаю, о рассказе можно было бы что-то сказать. Здесь ведь на самом деле есть смысл.

– Послушайте, девушка, – тут тощий посмотрел прямо на неё, – вы, конечно, красивая, и мне не хотелось бы вас обижать, но мы собрались не для того, чтобы слушать чьи-то рассказы. Так мы никогда отсюда не уйдём. Вас кто вообще сюда привёл?

И тут вступилась Лола:

– Павел Григорьевич, это я пригласила Настеньку. Не знаю, почему она прочитала рассказ. Я опоздала к началу. Но Настенька пишет стихи. И было бы правильно, если бы она прочла что-то своё. Настя, ты помнишь что-нибудь из своего? Прочитай, пожалуйста.

Тощий в президиуме, которого Лола назвала Павлом Григорьевичем, совсем, было, расстроился, но, по-видимому, не хотел портить отношения с Лолой и с явным нежеланием сказал:

– Вы, оказывается, и сами пишете, зачем же адвокатом других выступаете? У нас принято читать свои произведения. Так что, пожалуйста, раз Лола просит, прочтите своё что-то, но небольшое, а то мы вас и так долго слушаем.

Настенька не собиралась читать свои стихи и готова была уже отказаться, но, услышав слово "адвокатом", вдруг вспомнила о предстоящем суде и поняла, что, быть может, в первый и последний раз выступает в доме литераторов. Только поэтому она глубоко вздохнула и безо всякой преамбулы начала читать одно из своих последних стихотворений.

Сначала как бы бросила в зал название:

– Набат.

Потом приподняла голову, словно прислушиваясь к чему-то, и начала философски спокойно рассказывать, постепенно ускоряя темп и повышая голос:

Из-за границы слышали колокол.

Это Герцен ударил в набат.

И вот уже каждый

тревоги полон,

по всей России колокола звонят.

Забили тревожно в едином гуле.

Язык качается вперёд – назад.

Ветер дует – быть буре.

И вылился гул в революции залп.

Подумала как-то я, мыслью ранена,

вспомнив тот колокольный звон:

а кто же сейчас беспокоить станет нас,

чтоб нечисть новую выгнать вон?

Ужели для этого, как и Герцен,

нужно покинуть Россию нам?  
Нет, никогда нашу власть Советскую  
я никому на поруки не дам.  
Не побегу под защиту Америки,  
не захриплю под Израильский вой.  
Сколько их, томных, истошных истериков,  
то за границу, то снова домой?  
Здесь,  
только здесь начинать канонаду  
прямо,  
открыто,  
в упор,  
в лицо.  
Пора хоронить навсегда плеяду  
вросших в Советскую власть подлецов.  
Только себе,  
побольше и лучше.  
Карьера,  
связи,  
знакомство,  
блат...  
Как в эти мозги  
сквозь повисшие уши  
сунуть Герценовский набат?

Настенька читала стихи, выйдя перед трибункой, и последние слова она произносила громко, размахивая в такт каждому слову правым кулаком. Теперь заплодировали почти все. В президиуме за столом трое разговаривали между собой и словно не замечали чтения. Однако слова тощего, обращённые к Настеньке, убедили в том, что и до его сознания доходило содержание прочитанного:

– Я надеюсь, что вы не наши уши имеете в виду. У меня они, во всяком случае, пока не висят. – И он рассмеялся, широко раскрывая рот, из которого блеснул ряд металлических зубов. – Но вы садитесь, пожалуйста. У нас и без ваших советских строк много работы на сегодня. – И затем, обращаясь к Лоле, продолжавшей стоять в конце зала: – Я тебя не понимаю. Что за спектакль ты нам сегодня устроила?

Настенька молча вышла в фойе. Лола шла рядом до раздевалки, успокаивая:

– Да ты не обижайся на мухомора. Выступила ты молодцом. И мы не будем сдаваться, хорошо? Дай мне свои последние стихи, я попробую их опубликовать.

Настенька глубоко вздохнула, сдерживая возникший в ней гнев по поводу сказанного в зале, и спросила:

– Лола, неужели все сейчас так настроены против всего советского? Я этого не понимаю. Что плохого в советской власти? У каждого правительства есть люди плохие и хорошие. У нас тоже не все поступают так, как надо. С ними надо бороться, но ведь не со всем строем, правда же?

– Не всё так просто, как ты думаешь, – возразила спокойно Лола. Она машинально взяла в руки концы розовой косынки, красиво облежавшей открытую шею и, держа их на своей полной груди, задумчиво говорила:

– Пойми, сейчас многое меняется. Люди не хотят больше молчать. Они устали от давления сверху. Раньше боялись говорить что-либо против власти. Теперь начинают позволять. Гласность радуется.

– Какая гласность? Мне кажется, что просто полюса меняются местами. Посмотрите, что получилось сегодня. Я выступила с критикой прочитанного кем-то рассказа, который и рассказом-то не назовёшь. Я видела в глазах некоторых сидевших в зале одобрение моим словам, но никто не сказал ничего в мою поддержку.

– Ну, это они не хотели портить отношения с мухомором. Они же хотят у него публиковаться, для того и пришли.

– Вот видите? В этом вся трагедия. Сегодня он здесь у власти, и те, кто думают не так, как он, молчат. А раньше молчали те, кто были против советской власти. Какая же разница? Всё дело в том, что конъюнктурщик остаётся им при любой власти. Он молчит или поддерживает в зависимости от того, кто сидит в президиуме.

Лола улыбнулась.

– Ты прекрасно споришь, Настенька, но мне надо идти. Давай, ты принесёшь мне свои стихи, и мы продолжим наш разговор.

Настенька уходила возбуждённой и довольная собой. Пусть для немногих людей, но ей удалось высказаться, отстаивать свою точку зрения. День прошёл не зря.

## П Р И Т И Р К А

Евгений Николаевич приехал в Москву по приглашению. Он печатал уже свои стихи и рассказы в разных центральных изданиях, но всегда это было связано с большими трудностями чисто технического плана – он жил далеко от Москвы. На частый вопрос, почему до сих пор не опубликовано то или иное его творение, друзья по литературе, работавшие в Москве, отвечали:

– Ты пойми, жил бы ты в Москве, так давно бы всё опубликовал. Тут ведь часто от присутствия зависит. Бывает, нужен срочно материал, не будешь же тебе в Ялту звонить, когда нужно сейчас, сегодня? Ищешь кого-то на месте. Так что переезжай в Москву.

Василий Григорьевич Пеньков работал главным редактором одного из московских издательств. Он познакомился с Инзубовым в Ялте, когда тот приходил в дом творчества Литфонда приглашать писателей на встречу с учёными в институте "Магарах". Молодой энергичный и, как выяснилось, пишущий человек понравился Пенькову, и он предложил Евгению принять участие в конкурсе на должность заведующего редакцией. Почему именно на эту должность? Да потому, что для переезда в Москву нужно разрешение на прописку даже при обмене квартиры, которую собирался сделать Евгений Николаевич. Но с пропиской в столице дело обстояло очень строго, и разрешение могли дать при условии наличия письма Комитета по печати, подписанного на уровне не ниже заместителя министра. А Комитет мог дать такое письмо на человека, проходящего по конкурсу на должность не ниже заведующего редакцией.

– Вот такой расклад дел, – сказал в заключение своих пояснений Пеньков. – Хочешь? Можешь попробовать своё счастье в конкурсе.

Инзубов согласился и приехал в Москву, когда Настенька только узнала о том, что страшный СПИД обошёл её стороной. Встреча была радостной. Они весело обсуждали предстоящий конкурс. Настенька убеждённо говорила, что за Евгения Николаевича должны все проголосовать, так как все, конечно, увидят, что он такой умный.

На что Инзубов, смеясь, говорил:

– Не в уме дело, Настенька. Встречают-то всегда по одежке.

– Ну, тут у вас всё в порядке, – заметила Настенька, глядя на серебристого цвета строгий аккуратный, подогнанный по фигуре костюм ялтинца.



– Надеюсь, но и не в этом суть. Меня пригласил на конкурс главный редактор. Это, я думаю, имеет решающее значение, если, конечно, он не приглашал и других. Однако я не переживаю, поскольку, если и не выберут, ничего страшного – работа у меня есть, и Ялту свою я люблю. Хочется, конечно, перебраться в Москву, но не так, чтобы смертельно. Друзья советуют для более тесного общения с редакциями.

Но Инзубов по конкурсу прошёл почти единогласно. В кабинет, где заседала конкурсная комиссия, его пригласили третьим из претендентов. Евгений Николаевич, входя, был совершенно спокоен. Ещё до начала работы комиссии, когда он встретился с главным редактором в кабинете, чтобы засвидетельствовать своё появление, Пеньков спросил его:

– Боишься?

– А чего бояться? – Удивился Евгений Николаевич. – Корову что ли проигрываю? Или кто бить собирается?

– Ну-ну, – ухмыльнулся Пеньков, – смелый, значит.

Комиссия была небольшая, из семи человек. Инзубову предложили сесть посреди комнаты на стул. Вокруг сидели, как потом выяснилось, заведующие редакциями и директор издательства. С рекомендацией нового претендента выступил Пеньков. Его крупная, массивная фигура не только не умещалась на маленьком стуле, но бывала слишком объёмистой для иного не очень большого кресла. Так что его слова тоже выглядели весомыми, требующими к себе уважения.

– Предлагаем вашему вниманию кандидатуру Евгения Николаевича Инзубова. Это, как вы видите, молодой ещё человек, ему скоро стукнет сорок, но он уже довольно опытный в литературе, опубликовал много рассказов, работает редактором научно-исследовательского института "Магарач". Прошу не путать с магарычом.

Все дружно рассмеялись.

– Я успел познакомиться с Евгением Николаевичем, и должен сказать, что он мне понравился своей чеховской интеллигентностью, серьёзностью, умением рассуждать спокойно и деловому, опыта издательской работы нет, но это дело наживное – никто не рождается с готовым багажом знаний.

Было сказано ещё несколько дифирамбов, затем задавались вопросы о биографии, где собирается жить, когда сможет приступить к работе.

Евгений Николаевич ответил, что жить будет, пока не решит вопрос с обменом, а варианты уже есть, на квартире, к работе может приступить в любое время, если его утвердят, поскольку в Ялте уже знают о его возможном переходе.

После положительного решения комиссии, когда Инзубов остался в кабинете главного редактора один на один, тот пожал ему руку и сказал загадочную фразу, которая удивила Евгения Николаевича:

– Ну, поздравляю. Ты знаешь, я сам удивился, что ты прошёл. В Москве такие должности стоят очень дорого. Тут ведь сейчас всё продаётся и покупается.

На радостях оттого, что с данного момента жизнь начинает круто меняться, Евгений Николаевич не обратил на последние слова никакого внимания.

О них вспомнилось позднее.

Буквально на следующий день он приступил к работе, отправив телеграмму в Ялту с просьбой об увольнении переводом в Москву. В просторной комнате редакции стоял большой письменный стол заведующего, три стола старших редакторов, один младшего и несколько шкафов. Главный представил сотрудникам нового заведующего, пожелал успехов и удалился. Евгений Николаевич начал со знакомства с рукописями, требующими решения. Редакторы подходили по очереди, говоря о своих авторах.

В этот день, как и в последующие, Евгений Николаевич был вынужден работать допоздна. Но к этому он привык. Работа была всегда его любимым занятием. Её он любил больше, чем

любые развлечения. Вспоминалось, как он впервые явился на работу в научно-исследовательский институт.

Молодой, неопытный переводчик, каковым себя считать в то время не мог, поскольку ещё учился заочно всего на третьем курсе факультета иностранных языков, но, тем не менее, взятый на должность переводчика по звонку из горкома партии, он был вызван к заместителю директора по науке Валуйко Герману Георгиевичу, человеку в высшей степени строгому и по-немецки педантичному. Посмотрев на вошедшего молодого человека из-за своего большого письменного стола, почти полностью свободного от бумаг, худощавый, гладко выбритый профессор улыбнулся и сказал:

– Ну-с, познакомимся. Вас как называть прикажете?

– Евгений Николаевич, – робко ответил Инзубов, не решившись назваться фамильярно Женей, как называли его до сих пор в комсомоле.

– Очень хорошо. А меня зовут Герман Георгиевич. Я человек конкретный, так что прошу сразу к делу. У меня тут есть одна статья. – И он взял со стола сиротливо лежавший на углу иностранный журнал, развернув на заложённой закладкой странице.

– Это статья о химических процессах при осветлении вина бентонитами. Она на английском языке. Нужно её перевести. Я понимаю, что сначала вам будет трудно, но попробуйте. Посмотрим, как у вас получится, а там решим, что делать дальше.

На этом разговор закончился. Евгений Николаевич засел за перевод, обложившись словарями как общими, так и специально по пищевой промышленности и химии. Вечером взял статью домой и к полуночи закончил перевод. Наутро опять появился в кабинете Валуйко. Тот вопросительно и почти недовольно посмотрел на переводчика:

– Что надо?

Впоследствии Евгений Николаевич привык к тому, что профессор встречал так тех, кого не ожидал видеть в данный момент, и к кому относился без особого уважения. Евгению Николаевичу такой грубоватый вопрос был задан первый и последний раз.

– Я принёс вам перевод статьи.

– Как? Уже? Я думал, что на неё уйдёт, по крайней мере, несколько дней. Хорошо, положите перевод здесь на столе. Я сейчас занят. Потом позвоню.

Фразы звучали сухо и резко. Можно было догадаться, что учёный поглощён мыслями о материале статьи или доклада, лежащего на столе, от чтения которого оторвало появление посетителя.

– Впредь заходите ко мне, если я сам позвоню вам.

Евгений Николаевич извинился коротко и вышел. Но не прошло и часа, как в отделе раздался телефонный звонок. Заведующий отделом патентно-лицензионной работы, в котором начал работать Евгений Николаевич, Лев Леонидович Гельгар, медлительный по характеру, неторопливо поднял трубку, и, услышав короткие слова, тут же положил её и не то удивлённо, не то испуганно посмотрел на нового сотрудника, говоря:

– Евгений Николаевич, вас Валуйко просит к себе.

Идти было страшновато. Наверное, перевод оказался плохим. Пришлось покорпеть основательно. С виноделием никогда раньше не приходилось сталкиваться, и описываемые в статье процессы могли быть поняты неверно. Скорее всего так, иначе к чему так торопиться с вызовом?

Войдя в кабинет, в котором был совсем недавно так сухо принят, Евгений Николаевич был поражён новым отношением.

– Входите, молодой человек. Присаживайтесь.

Валуйко улыбался.

– Просмотрел бегло ваш перевод. Что ж неплохо для начала. Я, откровенно говоря, ожидал гораздо хуже. Многих наших терминов вы ещё не знаете, но суть изложена верно, стало

быть, переводить можете. Я вас тогда попрошу выполнить для меня перевод ещё двух статей. Только не надо так быстро. Работайте спокойно. И считайте теперь, что мы вас приняли на работу постоянно. Поздравляю.

Валуйко протянул журнал с закладками.

– Тут отмечено, что надо перевести. Если не ясно что-то, не стесняйтесь зайти, но позвоните перед этим. Я часто бываю занят. Обращайтесь за помощью и к другим коллегам. Ваш начальник Гельгар очень опытный в виноделии специалист.

И Евгений Николаевич работал всегда напряжённо, так как статьи на перевод стали нести ему из всех отделов. Недостатка в запросах не было. Учёные института занимались всеми вопросами, связанными с виноградом и вином, а для того, чтобы не отставать от мировой практики, старались выписывать все издания по их профилю и приносили статьи, в которых была и механизация процессов, и физика, и химия, делались математические расчёты, экономические прогнозы, строительство предприятий, рассматривались порой даже юридические аспекты. Словом, термины в переводимых статьях встречались из самых различных областей знания.

Работы было много, и она нравилась, не смотря на самую маленькую в институте зарплату. Впрочем, она росла, хоть Евгений Николаевич сам никогда вопрос о повышении не поднимал. Это делали те, кто восхищался трудолюбием переводчика и его бескорыстием.

Скоро к нему стали обращаться не только с переводами, но и с редактированием статей, рефератов, докладов. Инзубов получил должность старшего переводчика, а затем редактора отдела издательства. Пришлось часто ездить в Москву и Киев, работая с отраслевыми издательствами. И всегда приходилось работать много, быстро и качественно.

По аналогии со словом "алкоголик" друзья называли его в шутку трудоголиком. А он ответил им стихами, которые были опубликованы в газете:

Люди говорят:  
ты неисправим.  
Люди говорят:  
ты ж не исполин.  
Работаешь, как лошадь,  
работаешь, как вол,  
отдохнуть не хочешь,  
глупенький ты, мол.  
Я смеюсь над этим,  
гордость не тая:  
работа есть на свете?  
Работа – жизнь моя.  
Это хорошо,  
что не исправим.  
Очень хорошо,  
что не исполин.  
Исполину просто  
гору разломать.  
Я маленького роста,  
но мне миры ломать.

В редакции московского издательства все редакторы были женщины. Две примерно возраста Инзубова, и с ними он сразу подружился. Они вместе тройкой ходили на обед в ближай-

ший ресторан, который посещали почти все работники издательства, бывало, вместе задерживались на работе, когда Евгений Николаевич не замечал время.

Другой старший редактор, Галина Семёновна, была женщина пенсионного возраста. Это создало проблему. Директор в первый же день попросил нового заведующего поинтересоваться, когда его пожилая сотрудница собирается уходить на пенсию. Знакомясь с нею, Инзубов спросил о её планах на будущее, чтобы, так сказать, иметь в виду, как планировать работу. Женщина мгновенно вспыхнула:

– Я знаю, откуда ветер дует. И вы туда же с первого дня? Уйду я, уйду на пенсию, когда закончу несколько начатых работ.

– Да я вас не собираюсь подгонять, – поспешил ответить Евгений Николаевич. – Просто хочу знать ваши планы. Работайте, если вам нравится.

Но отношения здесь уже не сложились. Галине Семёновне не нравился приход неизвестного человека в начальники, не нравилась его дружба с другими редакторами, которых она недолюбливала. А те в свою очередь говорили Инзубову:

– Евгений Николаевич, и зачем вы променяли Ялту на Москву? Вы же не понимаете, куда вы попали. Москва вся пропитана связями, взятками, подкупами. А наше издательство – это же клоака подсиживаний, подслушиваний. Директору доносят всё, что вы делаете, как на кого смотрите, что где сказали. Это настоящее болото. Вы же, как мы понимаем, совершенно из другого мира. Вам будет очень тяжело.

Инзубов только посмеивался в ответ:

– Ничего, как-нибудь выплыву. В принципе, люди везде одинаковые. Внутри себя каждый человек хороший. Вопрос в том, как он понимает то, что вокруг него происходит. С кем ни говоришь, каждый вроде бы хочет тебе добра. Но мне главное сейчас получить разрешение на обмен Ялты на Москву. В этом отношении всё пока идёт путём. Скоро дадут.

Сотрудницы возражали:

– Вы не совсем правы, Евгений Николаевич. Далеко не каждый хочет добра именно вам. Многие думают о себе или своих близких, которым вы почему-либо мешаете, но они никогда этого вам не скажут.

"Так ведь и вы тогда можете оказаться в их числе", – подумал Евгений Николаевич, но промолчал. Нутром чувствовал, что это не так.

Легче всего было работать с младшим редактором Леночкой, исполнительной, весёлой девчушкой, охотно бегавшей по кабинетам, разнося вёрстки, письма, приказы.

Возникли проблемы с некоторыми авторами, которые работали с той же Галиной Семёновной. Она предложила короткие стихи на плакат. Сказала, что автор один из группы талантливых молодых людей, живущих в одном дворе с известным поэтом. Он их собрал и объединил в литературный кружок. Они вместе пишут очень хорошие стихи.

– Я ничего не хочу сказать об их мастерстве, – ответил спокойно Инзубов, – но позволю себе усомниться в том, что в одном дворе все дети могут оказаться талантливыми в литературе. Даже если вы готовите дворовую футбольную команду, и то в лучшем случае один из игроков может оказаться достойным играть в какой-то классной профессиональной команде, каким бы хорошим ни был их тренер. А тут мы готовим с вами плакат, на котором краткое четверостишие должно быть отточенным, как лезвие сабли из дамасской стали. Мы не можем с вами допустить самодеятельность. Ведь плакат – это не сборник стихов, который можно читать или не читать. Плакат висит повсюду и бросается в глаза, хочешь ты того или не хочешь. Если он плохой, то каждый день будет вам портить настроение. Поэтому мы не можем с вами подходить к его содержанию по принципу, что за автором стихов стоит большой поэт, поэтому надо печатать. Следует исходить, прежде всего, из качества стихов, а не из того, кто автор и кто за ним стоит.

Это возражение и отказ принять четверостишие, которое, как показалось Евгению Николаевичу, сильно напоминало собой переделанные в худшую сторону строки известного стихотворения другого поэта, обидело Галину Семёновну. А девчата, Аня и Валя, смеялись над своим шефом, когда он стал возмущаться, и объясняли неопытному москвичу:

– Вас удивляет, что эта ведьма пробивает какие-то короткие стишки. Да ведь авторам эти четыре строки на плакате будут стоять вдвое больше вашей месячной зарплаты. Вот что главное. Неужели вы думаете, что они, как вы, мечтают о чём-то великом, о воспитании поколения? Их интересуют в первую очередь деньги и только во вторую – слава. О чём-то более высоком они просто не думают.

Но эти споры и беседы, эти вечерние сидения за рукописями скоро должны были кончиться для человека, оказавшегося чужим в этом мире. Не прошло, наверное, и недели работы в издательстве Евгения Николаевича, как директор при встрече в коридоре сочувственно кивнул головой и сообщил, что Инзубов уже кому-то переступил дорогу, так как поступила на него анонимка. Через несколько дней в издательстве проходило очередное партийное собрание, на котором представили нового, только что пришедшего в коллектив коммуниста.

В ответ на просьбу рассказать о себе Евгений Николаевич кратко изложил биографию и завершил рассказ тем, что его больше всего удивило:

– Вот переехал в Москву. Мне говорили о сложностях московских взаимоотношений, но я не предполагал, что, спустя всего несколько дней моей работы на новом месте, когда практически никто ещё не мог успеть узнать меня, кто-то сможет написать на меня анонимку. Почему я об этом говорю? Мне не хочется, чтобы у меня в коллективе с кем-нибудь складывались неприятные отношения. Я человек прямой. Если что-то делаю не так, пожалуйста, говорите мне. Охотно выслушаю и исправлю. Много лет проработал с комсомольцами. Мы привыкли быть откровенными. Честное слово, я за собой ничего не прячу. Буду рад, если и ко мне вы будете подходить открыто, а не через письма руководству. По-моему, я не успел никому насолить.

Всё это Евгений Николаевич высказывал совершенно без обиды в голосе, спокойно, проявляя искреннее удивление.

Дальше собрание пошло дежурным порядком по намеченному плану. Никто ничего не сказал по поводу выступления Инзубова. Но после собрания директор на ходу пожурил его:

– Зря это ты на собрании насчёт анонимки.

– Почему зря? Пусть знают, что у нас делается. Просто смешно, что не успели узнать и уже пишут. А что хоть написали?

– Да ты не ершишься. Когда надо, скажем тебе.

Уходя, директор вдруг задержался и спросил как бы вскользь:

– Слушай, у тебя нет случайно пару тысяч ненадолго? Мне тут нужно для одного дела.

Инзубов задумался на секунду. Не было их у него не только с собой, но и на сберкнижке. Но он подумал, что сможет достать у друзей, и ответил:

– Герман Захарович, при себе нет такой суммы, но дня через два могу организовать.

– Да нет, не надо. Пожалуй, обойдусь.

Зайти к директору поговорить об анонимке не удавалось. Герман всегда был занят. Василий Петрович встречался с Евгением каждый день, иногда вместе пили кофе, вместе ездили на книжную ярмарку, проводившуюся на ВДНХ. Об анонимке он, вроде бы, слышал от директора, но не очень конкретно. Говорил, что письмо без подписи пришло не в издательство, а в Комитет по печати.

Но вот директор вызвал к себе в кабинет и представил молодому человеку в чёрном костюме с чёрным галстуком, какие обычно носят в министерских заведениях. Незнакомец сказал Инзубову о том, что в Комитет по печати пришло анонимное письмо, в котором упоминается приход на работу нового заведующего редакцией. В связи с этим Комитет интересуется обстоятельствами появления в Москве Инзубова.

Сказать, что Евгений Николаевич и сейчас был спокоен, было бы неверно. Внешне – да, этого отнять было нельзя. Но внутри начинало всё клокотать. Что же это за город такой, что уже написали в министерство, хотя ничего ещё им не сделано в Москве? Какой криминал в том, что он устроился на работу? Мало ли таких приезжает? И другое, о чём он тут же спросил в ответ на вопрос министерского представителя:

– Насколько мне известно, вчера или позавчера вышел указ о том, чтобы не рассматривать анонимные жалобы. Он что, не действует?

– Да, – ответил представитель, – но это письмо поступило раньше и потому мы обязаны его разобрать.

– Ну, а что тут разбирать, собственно? Пригласил меня для участия в конкурсе главный редактор. Были ещё другие претенденты. Комиссия проголосовала за меня. Вот и вся история. В чём проблема? В чём меня обвиняют?

– Давайте вы будете отвечать на мои вопросы, а не я на ваши, – твёрдо сказал представитель.

"Конечно, – подумал Евгений Николаевич, – молодой, но уже занозистый. Работает в министерстве под чьим-то крылом и чувствует себя богом".

Вслух сказал:

– Так что же нужно от меня? Может, я плохо работаю? Не выполняю обязанности? Есть основания считать меня профессионально непригодным? Есть или нет? – обратился он уже непосредственно к директору. – Герман Захарович, у вас есть претензии ко мне по работе?

Директор, сидевший как бы в стороне, встрепенул, отвечая:

– Нет-нет, Евгений Николаевич, по работе претензий нет.

Министерский работник поднял кисть руки останавливающим жестом:

– Минутку. Евгений Николаевич, где вы работали до издательства?

– Я думаю, вам уже говорили и в деле есть сведения, что я работал в Ялте. Но, если хотите, я принесу вам сейчас некоторые мои публикации для знакомства? Они как раз у меня в кабинете.

– Да, пожалуйста.

Евгений Николаевич вышел и через минуту принёс стопку книг и журналов, которыми занял весь стол, рассыпав их веером.

– Вот сборники научных трудов, которые я редактировал, вот журналы с моими публикациями, вот книги с моими рассказами.

– Вы член Союза писателей? – спросил представитель, немного опешивший от количества различных изданий, оказавшихся на столе в связи с вопросом об Инзубове.

– Нет, не вступал пока, но важно ли это?

– В какой-то степени да, поскольку у нас есть ещё письмо и от одного известного литератора.

– Ах, вот что, тогда начинаю понимать, чем объясняется ваше пристальное внимание ко мне.

– Об этом говорить сейчас не будем. Мне всё ясно. Спасибо. – И обращаясь к директору: – Можем отпустить Евгения Николаевича?

– Да, конечно.

Собрав книги и журналы, Инзубов вышел. Картина ему стала яснее ясного. Поэты, чьи стихи он не пропустил, начали действовать.

Прошло ещё несколько дней работы, когда директор издательства заглянул в редакцию Евгения Николаевича и, поинтересовавшись, всё ли у них хорошо, как бы в шутку, глядя на заведующего, произнёс:

– А под кем-то кресло качается.

Евгений Николаевич рассмеялся в ответ:



– Если подо мной, то это не страшно. И упаду, так не ушибусь. Я привык качаться на стуле.

– Ну-ну, – пробормотал директор и вышел.

Спустя некоторое время, потраченное на подготовку рукописей книг – дело то, в общем, было знакомое, исключая детали, Евгений Николаевич был опять вызван директором к себе. В углу кабинета, как бы в стороне от разговора, грузно восседал в кресле главный редактор.

Перекладывая зачем-то на столе бумаги с места на место, несколько смущаясь, директор предложил сесть и после некоторой паузы сказал, наконец:

– Вот ведь какая получается история. Там в Комитете думают, что вы дали большую взятку за переезд в Москву и устройство на работу. Крутили, вертели и потребовали от нас, в целях экономии средств, провести сокращение одной должности заведующего редакцией. Так как вы сотрудник новый, то, естественно, вы и попадаете под сокращение. Такая петрушка получилась. Что вы думаете по этому поводу?

Евгений Николаевич не стал ни кричать, что было не в его характере, ни возмущаться несправедливыми обвинениями. Он спокойно спросил:

– Но вы же, Герман Захарович, знаете, что это не так? Я ведь никому ничего не давал?

– Мы знаем, – ответил директор, – да пишущие не знают. Мы предлагаем вам остаться в издательстве на должности старшего редактора. Дело в том, что ваш отдел придётся слить с другим, ну, вы там и останетесь, если хотите.

– А что это изменит? Буду я там работать, и там напишут на меня. Начинаю понимать, что такое Москва. В Ялте в институте я десять лет работал без проблем. Там тоже коллектив не очень простой. Почти все учёные, кандидаты, доктора, профессора. Директор как-то говорил мне: "Евгений, ты думаешь, на тебя никто не доносит? Приходят иногда, начинают грязь какую-нибудь лить, но я сразу обрываю. Я вижу сам, что ты честный человек, но иметь в виду тебе надо, что не все одинаково расценивают твои действия". Хорошо запомнились мне эти слова, но всё же считаю, что должен поступать всегда не так, как хочет кто-то на стороне, а так, как велит мне моя совесть.

Так что и сейчас я отлично понимаю ваше положение. Вам приказывают, и вы должны подчиняться. Но оставаться здесь я не буду ни на какой должности. Быть в ранге снятого с понижением не смогу. Не привык.

– Ну, как хотите. Завтра проведём заседание совета по слиянию отделов, дадим вам положенный по сокращению штатов двухмесячный отпуск, а Василий Григорьевич поможет вам, если надо, в устройстве на работу. В Москве, как вы уже знаете, это не так просто.

Финальная часть работы в издательстве Евгения Николаевича совпала с болезненным состоянием Настеньки, когда она не ходила в музей. Зайдя к ней домой проведать, Евгений Николаевич рассказал и о своей проблеме. Слушая его рассказ, сидевшая рядом Вера, обронила вскользь:

– Евгений Николаевич, поверьте моему опыту, вас сокращают не потому, что вы кому-то дали взятку, а скорее по той причине, что вы её никому не дали. Ваш директор ожидал, очевидно, от вас благодарности, выраженной какой-то суммой, а вы не стали этого делать. Вот он и организовал анонимку, если она вообще была. Вам же её не показывали?

– Нет.

– Её могло и не быть в природе. Хотя, по вашим словам, возможно, что обиженные поэты вместе с редактором или без неё состряпали пасквиль. Приходится, конечно, гадать.

– Ты уж очень усложняешь, Верунчик. – вмешалась Настенька. – Нельзя так плохо думать обо всех людях.

– А я и не думаю обо всех. Но кто-то из них явно сподличал. Не известно только, кто именно. Я предположила разные варианты. Если плохие поэты, значит хороший директор, который, правда, мог бы и сам постоять за Евгения Николаевича, если его работа нравилась.

Он всё-таки директор, а не пешка. А раз он легко согласился, то, учитывая московские привычки, которые мне хорошо знакомы, я думаю, что директор сам заинтересован в увольнении того, кто не догадался ему ничего дать в зубы.

– Всё может быть, – согласился Евгений Николаевич, вспомнив вдруг, но не сказав, о просьбе директора дать займы две тысячи. Он подумал, что это могло быть и случайным совпадением, и подтверждением слов Веры, что в данной ситуации не имело большого значения, так как никаких действий по этому поводу он предпринимать не собирался, тем более что всё не доказуемо.

– Ладно, – сказал он, – мне важно теперь подумать о другой работе, а не о том, почему сократили должность.

– А вот что я думаю, – сказала Настенька, привставая в кровати на локоть, – не пойти ли вам, Евгений Николаевич, к нам в музей? Там как раз запарка с кадрами. Платят, конечно, мало, но может быть для вас интересным.

– Хорошая мысль, – обрадовался Инзубов. – Надо попробовать, если возьмут.

И его взяли, как говорится, в тот же миг. Сомнения по его приёму на работу высказала в совершенно другом плане только заместитель директора по научной работе музея Латышева. Её пригласила в кабинет Галина Ивановна и восторженно стала говорить, что вот в их музей пришёл устраиваться на работу аж сотрудник издательства, такое, значит, место занимает музей в городе, что крупные специалисты приходят к ним на работу, и попросила своего зама показать новому человеку музей и оформить его приём.

Приведя к себе в кабинет Евгения Николаевича, Латышева пессимистично заметила:

– Я, конечно, вас оформлю, раз Галина Ивановна просит, только не думаю, что вы будете у нас работать. Нет, вы, безусловно, нам подходите. Другое дело, подходим ли мы вам. Музей у нас маленький. Вакантная должность только экскурсовода. Он является у нас и научным сотрудником, но фактически никто, кроме меня, наукой не занимается, да и мне некогда, честно говоря. А вы человек, как я понимаю, широкого масштаба. Вашу работу здесь я расцениваю, как, если можно так выразиться, стрельбу из пушки по воробьям. Поэтому, когда вы поймёте, то вряд ли долго задержитесь. Тем более, что зарплата очень маленькая. Так что вы подумайте хорошенько, прежде чем соглашаться. Не поймите, что я вас отговариваю. Ради бога, мы вас примем с удовольствием. Только не ругайте нас потом.

– Хорошо не буду.

– Не будете что? Работать у нас или ругать?

– Не буду ругать.

– То есть вы согласны работать?

– Да, согласен.

– Ну, вы, я вижу, смелый человек. – И Латышева рассмеялась. – Может, когда-нибудь займёте моё место.

– Что вы? Зачем это мне?

– Нет, отчего же? В жизни всё возможно. Но имейте в виду, что я пока уходить отсюда не собираюсь. Слишком много вложено мною в этот музей.

Евгений Николаевич смотрел на стройную красивую молодую женщину с рассыпанными по плечам волосами, прекрасно дополнявшими несколько удлинённое лицо, но очень строгую. Начальственный тон ей не очень подходил. Вспомнилась преподаватель английского языка на третьем курсе института. Та, правда, была не столь элегантна, но тоже молода и предельно требовательна к студентам. Многие её просто боялись. Плохие ответы она органически не переносила. Вздыхала, охала и морщилась, как от зубной боли, слыша неправильное произношение или видя, что отвечающий забыл нужное слово. Студентов называла не иначе, как по фамилии.

Поэтическая натура Инзубова страдала от подобных взаимоотношений, и он написал ей посвящение, которое так и не показал своему преподавателю до окончания института, боясь, что она воспримет стихи в качестве просьбы на снисхождение, ибо там были такие строки:

Вы вздыхаете: нервы, наверное.  
Знаете – могу отвечать сильнее.  
Кто-то зовёт Вас Иллана, Элла,  
а я и по отчеству назвать робею.  
И я не решусь нежно взять Вас под руку,  
когда загораются в небе искры,  
но не потому, что не хватит пороху,  
а потому, что не знаю английский.

Но строгость преподавателя заставляла студентов больше и напряжённее работать, что и давало соответствующие результаты. Её группа оказывалась сильнее, чем у других преподавателей. Как часто приходилось вспоминать эту строгость с благодарностью.

Сейчас, при этих воспоминаниях, внутри у Евгения Николаевича всё смеялось: "Опять женщина начальник, и опять неприступная. То ли должность их делает такими, то ли наоборот строгость характера выдвигает их пусть на маленькие, но руководящие должности? А как же у них обстоит дело с любовью?" Но об этом он говорить не стал, сделав акцент на другом:

– Не волнуйтесь, пожалуйста, Татьяна Андреевна. У меня совершенно другие задачи. Я пишущий человек. Недостаток в зарплате покрою публикациями. Важно иметь нормальную рабочую обстановку. Сама по себе должность для меня большого значения не имеет.

– Приятно слышать, что вы не амбициозный человек, хотя это не всегда и хорошо в работе. Лучше, когда человек к чему-то стремится. Но у вас, я поняла, литература на первом месте. Тут я вам готова всегда помочь. Материала для публикаций у нас предостаточно. Взять хотя бы знаменитый роман Островского "Как закалялась сталь". Вы, конечно, не знаете, что довольно большая часть рукописи романа не была опубликована.

– Что вы имеете в виду? – не поняв, спросил Инзубов.

– Только то, что сказала. Тот вариант, что вы изучали в школе, на самом деле мог бы быть гораздо полнее, но его не опубликовали.

– Почему?

– Это вопрос, которым я вам и предлагаю заняться. Кроме того, вам будет небезинтересно узнать, что и в самой биографии писателя мы имеем сплошные белые пятна. Есть над чем работать при желании. Но сначала подготовьте экскурсию по музею. Даю вам на это всего три дня. Экскурсоводов у нас мало, а посетителей, в том числе коллективных, всё больше и больше. Так что возьмите побольше литературы в нашей библиотеке и начинайте работать. Желаю успеха!

Новость казалась шокирующей. Он шёл в музей, будучи уверенным, что ничего нового для себя не откроет. Уж очень хорошо был известен всем со школьной скамьи Николай Островский. Думалось, о нём настолько всё известно, что каждая запятая книги, не то что биографии, выверена сотни раз биографами и литературоведами, и потому, кроме экскурсий по музею, делать будет нечего, а тут такое сообщение.

Тем и началась новая жизнь Евгения Николаевича, но с предыдущей он сразу не порвал. В издательстве состоялось плановое партийное собрание, которое Инзубов посетил, поскольку не снялся ещё с партийного учёта.

Собравшиеся коммунисты едва уместились в тесном маленьком зале первого этажа издательства. День был среди недели, всем хотелось поскорее уйти за покупками да домой, сенсаций на собрании не предвиделось. Но слово попросил Инзубов.

Он сидел в первом ряду рядом с главным редактором и директором. Те не ожидали, что их бывший протеже, а теперь уволенный по сокращению, захочет высказаться, и не успели остановить его. А председательствующий на собрании, он же секретарь партийной организации, которому флегматично предложили вести самому мероприятие, не видя никаких сигналов со стороны руководства, согласился предоставить слово Инзубову.

Евгений Николаевич выступать умел. Он не писал себе речей, за исключением памятного выступления на пленуме Ялтинского горкома, но всегда перед выходом продумывал основные темы или пункты предстоящей речи. Не раз бывало, что в момент выхода на трибуну, план выступления резко менялся. Это зависело от аудитории, от её реакции на выход и первые слова. Бывало, что, уже видя глаза слушателей, он ещё не знал, какими словами начнёт выступление. Но в доли секунды нужные слова приходили, и речь лилась практически без остановки. Он мог сделать паузу, всегда осмысленную и важную, но никогда не запинаясь. Никогда не спрашивал вслух: "Что ещё я хотел сказать?". Бывало всякое, но никогда не было, чтобы его выступление не понравилось большинству аудитории. Это Евгений Николаевич знал хорошо, и знали те, кто был с ним долго знаком.

В этот день, точнее вечер, обстановка была иной. Они мало знали друг друга – выступавший и те, перед кем он говорил. Но, как обычно, он выходил вперёд не ради успеха, не ради аплодисментов. Он считал нужным и обязательным высказать свою точку зрения на происходящее не только ради него самого, но и ради тех, кто его слушал. Эту мысль он и поставил главной в теперешнем выступлении, почему и начал словами:

– Я прошу прощения за то, что рискнул отнять у вас несколько, позволенных регламентом собрания, минут на себя. Но мне больше не доведётся, как я понимаю, выступать перед вами. Поэтому хотелось сказать несколько слов о впечатлении, которое сложилось у меня о том, что здесь происходит. Сегодня обсуждается план работы партийной организации. Надеюсь, что моё выступление не окажется бесполезным в этом отношении.

Любопытно, что когда я явился на заседание конкурсной комиссии, то за меня проголосовали почти все члены комиссии, хотя никто меня не знал. На днях те же самые люди, что голосовали за меня, так же дружно проголосовали за моё увольнение, выразившееся в ликвидации нашей редакции. То есть и в первом, и во втором случае члены комиссии, а почти все они коммунисты, проявили не партийную свою принципиальность, а элементарное чинопочитание, а именно – согласие с тем, что решило руководство.

Когда вы были искренними, давая ли согласие на работу незнакомого, но понравившегося вам человека, или тогда, когда увольняли его, зная, что он не проявил в своей работе ни безграмотности, ни лени, ни разгильдяйства, ни плохого отношения к товарищам? Кто из вас может упрекнуть меня в каких-то грехах, не позволяющих мне работать? В чём же дело?

И я отвечаю на этот вопрос. Причина в том, что мы давно перестали быть коммунистами в том смысле, как того требует устав.

Вы только подумайте над таким, например, фактом. Я молодой пишущий автор. Придя в московское издательство, где работают киты литературы, естественно, мне захотелось проверить качество своих творений. Я взял несколько своих рассказов и отнёс их своему старшему коллеге, заведующему другой редакцией, кстати, секретарю нашей партийной организации, попросив его посмотреть их в свободное время с тем, чтобы дать мне потом свои критические замечания и рекомендации.

Что вы думаете, он сделал с ними? Буквально на другой день меня вызвал к себе Василий Григорьевич, наш уважаемый главный редактор, и стал журить за то, что я слишком спешу с публикациями своих рассказов. А ведь я хотел только того, чтобы мой более опытный товарищ узнал меня не только как коллегу по работе, но и как тоже пишущего, творческого человека, чтобы он знал, что я не случайный здесь человек. Я же не принёс ему рукопись книги

для издания, а лишь несколько рассказов с просьбой прокомментировать. Поступил ли он как коммунист в данном случае, если ничего мне не говоря, помчался к руководству с жалобой?

Пустяшный, казалось бы вопрос, но характерный. Поэтому мне кажется, что если мы не можем быть коммунистами, то честнее было бы положить билет на стол, чтобы не сбивать других, кто старается честно служить партии и народу. А такие, я уверен, всё же есть.

Зал слушал выступление Инзубова в полном молчании, которое продолжалось и после того, как неожиданный оратор сел на место. Председательствующий, в чей огород был брошен камень в выступлении, растерянно посмотрел на директора. Тот встал, спасая положение.

– Ну и задал нам задачку Евгений Николаевич. Пора сдавать партийные билеты, оказывается. Кто готов? Василий Григорьевич, – повернулся он в сторону главного редактора, – ты положишь партийный билет?

Занимавший своим грузным телом сразу два стула редактор рассмеялся и закрутил головой, говоря басом:

– Я не положу.

– И я нет, – вторя ему, сказал директор, и, повернувшись к президиуму, состоявшему из двух человек (вторым была секретарша директора, которую чаще всего выбирали секретарём собрания), добавил, меняя тему разговора:

– Ну, что там у нас дальше? Давай уже закругляться.

После собрания, когда все стали расходиться, к Инзубову подошла худенькая, невысокого роста, с тёмными волосами, завязанными на голове узлом, Елена Степановна, заместитель секретаря партийной организации, и обиженным тоном спросила:

– Евгений Николаевич, может вы в чём-то и правы, но зачем вы обвинили нас в том, что мы перестали быть коммунистами? Вы-то чем лучше нас? Получается так, что вы возвысили себя над нами.

– Я, между прочим, не сказал, что вы перестали быть коммунистами. Я сказал "мы перестали", так как, увы, и сам не всегда бываю принципиальным.

– Ах, вы сказали "мы", тогда другое дело, – успокоившись, ответила Елена Степановна и пошла в свой отдел собираться домой. Её волновала только эта маленькая деталь, не выделил ли себя Евгений Николаевич. Это было бы обидно.

## С У Д

*Приходилось ли вам, дорогие читатели, бывать в подмосковном лесу в мае? Это удивительная пора.*

*Должен, правда, сознаться, что люблю подмосковный лес и в зимнее время, когда все без исключения деревья носят на своих головах белые снежные ушанки со свисающими ушами, а ветки, будто расставленные в стороны руки, покрыты такими же белыми снежными рукавами.*

*Очень примечательны в это время снегири со своими розовыми нагрудничками да сороки, выделяющиеся не только чернотой крыльев, но и резкими криками на фоне белого лесного безмолвия в зимнюю пору. Зимой, конечно, прекрасно. Это такая чистота, такая опрятность во всём, о которой весь год мечтаешь, пока первый снег не выпадет, чтобы обрадовать истосковавшуюся душу. Берёзы с обнажёнными белыми стволами, что девушки, собравшиеся целой гурьбой купаться в речке – вот-вот прыгнут озорницы с крутого берега в воду. Но не прыгают. Тишина.*

*Тут-то тебе, что ни движение, то след в лесу. Сорвалась шишка или отломился комок снега – вот тебе и ямка на белом ковре под самым деревом. Пробежала мышка полёвка по начинающему только твердеть насту, и на, пожалуйста, длинная, как струна, тоненькая строчка следов. А там трезубцы отпечатались в большом количестве посреди полянки – не*

иначе, как сорока скакала, да, видно, не совсем удачно, так как чуть дальше перья чёрные с белым рассыпаны – это значит, что попалась она в лапы лисицы, притаившейся за деревом. Не поленись пройти ближе, так и увидишь лисьи приметы те, что не замелись длинным пушистым хвостом хозяйки. Кончишь скрипеть по снегу сапогами, и опять тишина.

Май в лесу – совсем другое дело. Сам застынешь на месте, а кругом все словно не замечают тебя, занятые своим делом. Сверчки где-то в траве сверчат без умолку, а рядом то пчела прожужжит, то шмель самолётом над головой своим гудением обозначится, то застучит дятел, выискивая под корой дерева себе пищу, да тут же от него вжик! – бельчонок вниз по стволу молнией соскользнёт и мгновенно снова вверх, ну да теперь уж царапанье коготками по коре слышно, а через мгновение с толстой ветки, где безопасно, слышится его цоканье любопытствующее: "Чего пришло, странное двуногое существо?" Только его, пожалуй, ты и интересуешь. Зато соловьи друг с другом перекликаются, соревнуются между собой: кто кого перепойт, чья трель длиннее и залистее будет. Да тут скворец кого-то из них передразнит, и те замолкают на мгновение, прислушиваясь – что за нахал в их спор вмешивается? А над всем этим, равномерно отсчитывая такт лесной музыке, несётся чёткое ку-ку, ку-ку, ку-ку... Считай, если не устанешь.

Нет, май, конечно, не то, что февраль. Сядешь на электричку, и махнёшь, скажем, до Щёлкова, а там на автобусе подальше от города. Выйдешь в сторону какой-нибудь дачи, и пока до неё доберёшься, столько надышишься ароматом белой черёмухи да сочными майскими травами, что грудь так и распирает от радости и счастья оттого, что дышишь, живёшь, существуешь на белом свете. Тут тебе и ландыши выглянет из своих зелёных шелков одеяния, напоминая белизной колокольчиков зимнюю чистоту, а там издали бледно зажелтеют отходящие уже цветы мать-и-мачехи и пыхнут оранжевым цветом ноготки. Да мало ли их – цветов всяких – в майском лесу? Что в лесу? Пойди на огород, сколько там, на грядках и по соседству ромашки да нивяника, что заставляют работать и работать цапками, выкапывая их корни, если хочешь не цветы сорные, а клубнику крупную да сочную собирать?

Словом, милый мой читатель, знакома эта картина была Настеньке не понаслышке от кого-нибудь, а от той самой дачи, что неподалеку от Щёлкова, где она только что провела прекрасный денёк с бабушкой, мамой, папой и Верочкой. Всем хватало работы. У кого есть дача в Подмоскovie, те знают, что значит для них май – это работа до пота, но и радости выше головы. А как вернулись с дачи в Москву, тут и началось.

В почтовом ящике лежала повестка на имя Александры Алексеевны Болотиной с требованием явиться в районную прокуратуру и с указанием, что в случае неявки вызываемая будет подвергнута приводу и так далее. Они пошли вместе: Настенька, поскольку вызвали Александру, а она и была ею, мама, так как она не могла не пойти с дочкой, и Верочка – поддерживать морально и физически, если придётся, Настеньку и маму. Но в кабинет прокурора пустили только Настеньку, оставив родных переживать не в приёмной, где можно было хотя бы сесть, а в коридоре, где стулья поблизости не предусматривались, лишь где-то в самой глубине стояла скамеечка, куда и направились Вера с мамой.

Герман Николаевич Горохов допрашивал далеко не первый раз и потому, пригласив Настеньку сесть, натренированной годами интонацией стал задавать сухие стандартные вопросы, ответы на которые незамедлительно регистрировались сидевшей рядом секретаршей.

– Фамилия, имя, отчество? Год рождения? Адрес проживания? Прописаны там же?

Настенька отвечала, как ей казалось, внешне спокойно.

Затем прокурор сообщил для сведения Настеньки, что произведено возобновление уголовного дела по факту гибели Вадима Демьяновича Попкова в связи с тем, что установлены новые, неизвестные при расследовании дела обстоятельства, и что гражданка Болотина Александра Алексеевна подозревается – при этом Горохов сделал упор на последнем слове и даже повторил его – подозревается, а не обвиняется, в совершении умышленного убийства.



Горохов наблюдал за сидевшей перед ним девушкой и чувствовал её внутреннее напряжение. Зная о её реакции на первую попытку ареста, он ожидал и сегодня нервной истерики и заранее попросил секретаршу держать поблизости нашатырь, воду и другие необходимые в подобных случаях предметы. Но Настенька на удивление выглядела спокойной, и потому прокурор продолжал:

– Должен предупредить вас, гражданка Болотина, что, как подозреваемая, вы пока не несёте ответственность за дачу ложных показаний, а так же за отказ и уклонение от них. Но я вам не советую избегать разговора со мной. Следователь мною уже назначен, можете записать – Кругликов Захар Иванович, но мне бы хотелось самому сначала разобраться с вами, чтобы облегчить нашу общую задачу.

– Мне почему-то кажется, – вступила неожиданно для самой себя в разговор Настенька, – что именно задачи у нас с вами совершенно разные. Вы хотите меня посадить в тюрьму, а я этого не желаю.

– Нет, не так. – Вспылил Горохов. – Вы ещё молодая и не понимаете многого. У нас с вами одна задача – найти истину, то есть, что есть правда. Вы скажите откровенно, убили вы парня или нет?

Громкий голос прокурора выбил Настеньку из равновесия и она, не ожидавшая прямого вопроса, тихо ответила:

– Наверное, да, но...

– Никаких но, – продолжал греметь Горохов. – Вы убили человека и столько времени спокойно разгуливали по Москве, где он уже не живёт, продолжали учиться, хотя и бросили потом учёбу, спокойно ездили в Ялту отдыхать, а ведь для вашего сведения убийство с умыслом да при отягчающих обстоятельствах наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со ссылкой или без таковой или...

Горохов выдержал паузу, наблюдая за реакцией Настеньки, и уже несколько тише, но жёстко добавил:

– или смертной казнью согласно статье сто пятьдесят восьмой уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Это вам не шутки. А вы говорите "но". Убили, вы это признаёте, и придётся отвечать.

– Да, но я не хотела убивать.

– Вот это надо ещё доказать, гражданка Болотина. Вы же не поднимете мёртвого из могилы, чтобы он подтвердил ваши слова о том, что вы хотели, а что не хотели? Поэтому сейчас я вас больше не буду допрашивать. Остальное расскажете следователю. Советую и ему говорить чистую правду. Это облегчит и вашу судьбу, и вашу душу. Покаяние всегда помогает. А сейчас я объявляю вам, что не арестовываю вас и не заключаю в камеру предварительного заключения только потому, что у вас слишком много ходатаев и поручителей, которым я обещал не трогать вас пока. Надеюсь, вы это оцените правильно и будете являться на допросы по первому требованию. Поэтому мерой пресечения избираю подписку о невыезде из города. Сейчас вы подпишете ваше обязательство не отлучаться с места жительства до окончания предварительного следствия и суда без разрешения прокуратуры или суда, а так же являться по их вызову. И подпишете протокол допроса. На этом пока всё.

Настенька морально была убита, но с каменным лицом, молча поставила подписи на предложенных секретарём бумагах и вышла из кабинета.

Только поздно вечером, освободившись от других важных дел, пришёл в квартиру Большого Ржевского переулка адвокат Леонид Евгеньевич Пермяков. Узнав о посещении прокуратуры, спросил, почему ему не позвонили о повестке. Но, оказывается, ему звонили несколько раз, но не могли застать ни дома, ни на работе.

– Да, конечно, меня трудно было вчера и сегодня поймать по телефону, – согласился Пермяков, потирая руки, будто только что вошёл с мороза, хотя на дворе стояла майская теп-

лынь. – Ну, ничего, теперь я весь в вашем распоряжении. До победы ещё далеко, но и отчаиваться не следует. Пойдём, Настенька, в твою комнату и поговорим поподробнее.

Устроившись на диване рядом с Настенькой, буквально упавшей в кресло, Леонид Евгеньевич попросил девушку рассказать о допросе, и пока она излагала то небольшое, что произошло в прокуратуре, адвокат осматривал комнату, медленно переводя взгляд с книжных полок, заставленных многочисленными словарями, учебниками, романами на иностранных языках и видео кассетами, на японский музыкальный центр, телевизор, видео магнитофон, вазоны с цветами, большую пушистую собаку, сделанную из искусственного меха, которую хозяйка по ребячьи посадила себе на колени и теперь гладила, как живую.

Когда Настенька закончила говорить, Пермяков недовольно покачал головой и забарабанил пальцами правой руки по своему округляющемуся животу:

– Зачем вы признались, что убили Вадима? Этого делать вообще не следует. Теперь придётся менять показания.

– Но я же и правда его убила?

– Да откуда вы знаете? Единственное, что вам известно наверняка, и на чём надо стоять до конца, это то, что вы столкнули его с себя. Так?

– Так. Только, Леонид Евгеньевич, я уже просила вас не говорить мне "вы", а то я чувствую себя, как в суде.

– Извини, Настенька. Расскажи мне поподробнее, что и как происходило, как на духу. Ничего, что я мужик. Забудь об этом. Для нас важна каждая деталь, каждая мелочь.

Слушая, он быстро помечал что-то в появившемся из кармана пиджака блокнотике, прерывая иногда вопросами:

– Минутку. Ты уверена, что тебя насильовали трое?

– Почему насильовали?

– А ты что, их сама пригласила к себе?

– Нет, конечно.

– Ты хотела их?

– Да ну что вы?

– Так чего же ты споришь? Каждая вещь должна называться своим именем. То, что делается против желания кого-то, является актом насилия. Но ты убеждена в том, что их было трое?

– Это подтвердилось.

– Каким образом?

– Аль Саид признался в этом работнику госбезопасности Поварову, который беседовал с ним по поводу его болезни СПИДом. С Соковым из МИДа я разговаривала сама по телефону недавно, он говорил мне, что проверялся на СПИД и у него ничего не обнаружено. Он не отрицал, что был со мной.

– А зачем ты ему звонила?

– Это не я, а он мне звонил?

– Почему?

– Как я поняла, хотел загладить свою вину и предложить мне работу за границей.

– Это очень важный свидетель, хотя, боюсь, что он будет отказываться на суде.

– Как же это можно?

– Очень просто. Если он признается, что был с тобой в числе троих, его тут же привлекут за соучастие в изнасиловании. Но пойдём пока дальше. Третьим был Вадим, которого ты, придя, наконец, в себя, сбрасываешь, что трудно себе представить, учитывая его рост и вес, о котором ты мне говорила в прошлый раз. Однако это произошло. Пусть так. Что дальше?

– Помню, что музыка перестала играть. Я стала одеваться, а Вадим не двигался. Но ведь он был пьян. Я об этом тогда не думала. Схватила простыню с кровати и выбросила в форточку.

– Для чего ты это сделала?

– Сама не знаю. Хотелось со всем этим ужасным покончить. Я думала, что когда Вадим проснётся, то увидит простынь с кровью и начнёт со своими приятелями смеяться.

– Вот, Настенька, самое важное. Ты была уверена, что Вадим жив. Ты не собиралась его убивать.

– Конечно.

– Так-то так, но пока бездоказательно. А как тебе вспоминается, трудно было вытолкнуть простыню? Форточка ведь небольшая?

– Наоборот, очень легко. Там была такая выюга, что её вырвало ветром из моих рук, как только часть простыни оказалась снаружи.

Адвокат опять сделал запись в блокноте.

– Понятно. Теперь расскажи, пожалуйста, как ты познакомилась с Вадимом. Почему это важно? В статье Аликберова утверждается, что ты сама соблазнила его, зная о высоком положении отца, и чуть ли не выполняла задание органов, связанное с этим.

– Всё это сплошная чепуха, Леонид Евгеньевич. За два года до этого Вадим приставал ко мне со своим знакомством, а Наташа и Вика меня всё время от него отговаривали, как чувствовали, что ничего хорошего от этого знакомства не будет. Но он всё-таки уговорил меня однажды пойти в ресторан, где я ему влепила пощёчины за то, что он назвал моего дедушку дворнягой.

Настенька прервала рассказ, тяжело переводя дыхание. Воспоминание о любимом деде, чуть не нарушило данное себе слово быть сильной. Слезы готовы были вновь вырваться из глаз. Но, вздохнув глубоко несколько раз, она продолжала:

– Какой-то высокий чин там оказался в то время, и это спасло нас от больших неприятностей. Целый год Вадима не было в институте. Он работал в Англии стажёром. Потом вернулся и стал снова ко мне приставать с заверениями в любви. Сначала я не верила и просила даже моих однокурсников охранять меня от Вадима. Но он был таким настырным со своими цветами и подарками, что просто заколебал, и я сдалась. Честно говоря, как дура, поверила, что он на самом деле влюбился. Ну и поехала на это дурацкое празднование Рождества. Я и подумать не могла, что он всё это устроил и столько времени ухаживал за мной только для того, чтобы отомстить за пощёчины.

– А почему ты решила, что он всё специально продумал в качестве мести?

– Так ведь я, как сейчас слышу его слова, которые он сказал, будучи на мне в ту ночь и обнимая: "За всё отвечать нужно, голубушка. Я обиды не прощаю". Он, видите ли, до сих пор не забыл, как я его по щекам била. Вот, когда он подтвердил, что всё специально подстроил: эти ухаживания, праздник с друзьями, которых пригласил, чтобы только наказать меня за его же собственную подлость, – тут я и не выдержала, и уж не знаю как, но швырнула с себя этого паршивца. Вот и всё, что было.

Леонид Евгеньевич опять погладил животик и забарабанил по нему пальцами.

– Ничего не поделаешь. Что было, то было. Но будем бороться. Когда будешь говорить со следователем, рассказывай то же самое. Тут ничего выдумывать не надо. Вопрос в том, чему они поверят, а чему нет. Не заводись, если они не будут верить. Стой на своём. А я тем временем займусь свидетелями.

Несколько недель Настеньку вызывали к следователю. То одно уточняли, то другое.

Друзья Настеньки тоже не сидели, сложа руки. Лола подготовила подборку стихов Настеньки в журнал "Литературная учёба". Скоро номер с её первым творческим опытом должен был появиться на прилавках "Союзпечати". Из музея на запрос прокуратуры послали характеристику, описывающую молодую сотрудницу с самой лучшей стороны. Общественным защитником избрали заведующую архивом Татьяну Евгеньевну Кузьмину. Выбор её объяснялся, видимо, тем, что свою правоту она умела отстаивать, как никто другой, а эмоциональный голос её слышался сразу на всех трёх этажах. Была уверенность в том, что и на суде она не

растеряется и найдёт, что сказать в защиту Настеньки. Хотели, правда, сначала избрать Евгения Николаевича, что выглядело бы солиднее, но он совсем недавно пришёл в музей и его могли обвинить в плохом знании подзащитной.

А страна жила своей беспокойной жизнью. Публикации о деле с убийством Вадима несколько приостановились. Внимание всех приковала статья Нины Андреевой в "Советской России". Сначала все замерли в недоумении. Шла бурными темпами перестройка, о ней гремели все средства массовой информации, ей пели хвалу, и вдруг кому-то пришло в голову усомниться в её предстоящих многообещающих успехах. Более того, через два дня после выхода статьи, то есть пятнадцатого марта, секретарь ЦК партии Егор Кузьмич Лигачёв выступил с такими словами:

– В воскресенье "Советская Россия" опубликовала интересную статью Андреевой из Ленинграда. Материал не случайный. Прошу товарищей главных редакторов обратить на него внимание.

И готовы были бы редакторы сказать по военному "Есть!", чтобы поддержать тревогу ленинградки за будущее Отечества, но на улице шёл тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год. Праздник на этой улице готовился другими идеологами. Чуть не подавший заявление об отставке, протестуя против публикации в "Советской России", тёмная лошадка Александр Яковлев, не стал всё же уходить из Политбюро, тем более, что Горбачёв устроил всем разнос за появление антиперестроечного материала в центральной прессе и добился от своих соратников прямого отказа от поддержки Андреевой.

Яковлев сделал шаг более заметный, подготовив публикацию без подписи в газете "Правда" под заголовком: "Принципы перестройки: революционность мышления и действия". Этой именно статьёй, опубликованной пятого апреля, начался обвал нападков на тех, кто подобно Нине Андреевой возмечтал остановить надвигающуюся на страну вакханалию власти любителей набивать свои желудки несчастьями других, отличающихся от этих властолюбцев уже тем, что они – эти другие – не понимают звона золотых монет, сладкого шелеста зелёных долларов, возбуждающей радости от сознания того, что в банках (коммерческих, а не стеклянных) на собственных, а не государственных счетах, лежат крупные суммы.

Яковлев не был "другим" и потому писал, что статья **"Не могу поступаться принципами"** подняла вопросы серьёзные и в таком ключе, который иначе, как идейной платформой, манифестом антиперестроечных сил не назовёшь... Пожалуй, первые читатели в столь концентрированной форме увидели в этом "письме в редакцию" не поиск, не размышление и даже не просто выражение растерянности, сумятицы перед сложными и острыми вопросами, которые ставит жизнь, а неприятие самой идеи обновления, жёсткое изложение весьма определённой позиции, позиции по существу консервативной и догматической. По сути дела, два основных тезиса красной нитью пронизывают всё её содержание: зачем вся эта перестройка и не слишком ли далеко мы зашли в вопросах демократизации и гласности? Статья призывает нас сделать поправки и корректировки в вопросах перестройки, иначе якобы "власти" придётся спасать социализм..."

Незаметная простому народу продолжалась в ЦК партии, с каждым днём всё более обостряясь, непримиримая борьба секретарей, борьба всё ярче проявляющихся направлений в развитии государства.

Настенька, прочитав в "Правде" статью без подписи, побежала к только что пришедшему с работы папе.

– Смотри, что за чепуху печатают. Помнишь статью Андреевой? Она действительно боится за судьбу социализма в стране. И большинство людей боятся, что вместо него придёт капитализм. А в "Правде" Андрееву критикуют. Я этого не понимаю. Я в "Известиях" как-то прочитала статью о том, как в Киеве с аукциона продали очень ценную книгу, которую украли

из фондов центральной научной библиотеки. Представляешь, члену аукционной комиссии Бердичевскому заявили открыто протест работники библиотеки и потребовали снять книгу с продажи, так он ответил тогда, что они де не юристы и не следователи. И книга была продана. Я всё время думаю об этом случае, который, мне кажется, становится стилем сегодняшней жизни, когда во имя больших денег позволяется всё. Все видят, как на элементарной спекуляции процветает в Москве кафе Фёдорова, но никто ему не мешает, никто не останавливает. Значит, это нужно не только ему. Сегодня утром у меня родились такие строки:

Пустили честность с молотка.  
Дорогу дали Бердичевским.  
Капитализма злой оскал  
Оскалил зубы из Манчестера,  
из Вашингтона, из Парижа,  
с разнузданных Нью-Йоркских улиц.  
Я зубы собственников вижу,  
вгрызающиеся в революцию.  
Отдали Фёдоровым волю.  
Они всю правду продадут.  
Я слышу: волки жадно воют.  
Я чувствую – они идут.

Папа не спорил с Настенькой. Обняв за плечи дочь, сказал только:

– К сожалению, ты абсолютна права. Только многие волки, по-моему, уже пришли. И это печально. Но ты молодчина, Настенька. Пиши дальше. Хотя кто же сейчас такое будет публиковать?

– Папа, – обиженно сказала Настенька, – я пишу не для печати. Мой принцип писать не для чего-то или кого-то, а тогда, когда не могу не писать.

– Это, может быть, и правильно в какой-то степени, – уклончиво соглашался отец, – но лучше, когда твои мысли, которые ты считаешь правильными, и они выражены в доступной художественной форме, будут оставаться не только в твоём дневнике, но и помогут кому-то другому разобраться в самом себе, понять ситуацию, научиться чему-то такому, что есть у тебя, но нет у других. Представь себе, что все бы писали только для себя. Что бы было? На каких бы примерах мы воспитывались? Ведь с самых давних пор былины воспевали русских богатырей. И эти, порою сказочные, герои рождали новых реальных героев, когда приходилось бороться с монгольским нашествием, со шведами, французами, немцами. Да твой же Островский, в музее которого работаешь, мог бы просто героически бороться со своей болезнью, не занимаясь книгой, и, может, прожил бы на несколько лет больше. Но кто бы об этом узнал, не напиши он книгу "Как закалялась сталь" такой по содержанию, что миллионы стали её читать и миллионы брать пример с Корчагина в своей жизни? Так что и твои стихи могут пригодиться не только тебе, если будут опубликованы.

Настенька не возражала. В ту майскую ночь, когда она почувствовала рождение ребёнка внутри своего тела, она вспоминала и папины слова, принимая решение начинать свои литературные выступления.

Но кроме статьи Нины Андреевой, вокруг которой разгорались страсти в печати, по радио и телевидению, на улицах и в домашней обстановке, другое событие охватывало многие умы. Приближалась девятнадцатая всесоюзная партийная конференция, в задачу которой входило подтолкнуть перестройку, за три года которой обещанных Горбачёвым положительных результатов так и не увидели. Ставшая всем известной Нина Андреева уже писала своё письмо делегатам этой конференции, в котором решила в период огульной клеветы на про-

шлое Родины обратить внимание партии на тот факт, **"что при всём драматическом и трагическом советские народы под руководством партии, созданной и выпестованной В.И. Лениным, совершили всемирно-исторический подвиг, пробив брешь в мировой системе империализма, построили общество, не знающее эксплуатации и угнетения, возвеличили своё рабоче-крестьянское Отечество, защитили его от бешеных атак внешних и внутренних врагов"**.

Невысокая, но статная темноволосая женщина с густыми широко разбегающимися бровями над почти всегда серьёзными глазами из редко теперь тихой ленинградской квартиры анализировала опубликованные заранее тезисы конференции, отмечая с горечью в письме, что **"в Тезисах не нашлось места фиксации коммунистической перспективы страны... указано на "революционность созидания", "идеологическое обновление", "воспитание гражданских качеств личности", но ни слова о необходимости коммунистического воспитания всех классов и слоёв общества в ходе борьбы с мелкобуржуазной и буржуазной идеологией"**.

Ленинградского преподавателя технологического института взволновало то, что коммунистическая по своему названию и сути партия, главной задачей которой было всегда строительство коммунизма и воспитание коммунистического общества, вдруг в планах теоретической конференции, предполагающей программное значение, не говорит вообще о коммунизме. Поэтому она высказала именно эту мысль: **"Наша партия есть коммунистическая партия Советского Союза, а отнюдь не партия перестройки Советского Союза"**.

Как жестоко она ошибалась в этом вопросе. Лидеры во главе с Горбачёвым как раз и сделали коммунистическую партию партией перестройки, то есть переделки могущественного государства в будущий придаток более сильных государств.

Но, чу, об этом пока молчок. Это может знать Михаил Горбачёв, Александр Яковлев, но ни в коем случае другие. К этому времени Польская "Солидарность" уже полностью разваливала свою страну, искореняя последние остатки социализма. То же самое должно было переноситься в Советский Союз, но говорить об этом пока не следовало.

Тем временем, пока Нина Андреева писала письмо делегатам партийной конференции, пока готовились доклады на неё Горбачёву и остальным выступающим по плану и сверх него, у Настеньки дела складывались по-разному. Были, как говорится новости и хорошие, и плохие.

Опубликовали подборку стихов, и Настенька от радости скакала по квартире с журналом в руках. Мама, папа, бабушка и Вера взволнованно искали по киоскам дополнительные экземпляры, которые можно было бы дарить всем родным и знакомым. Лола пригласила молодую поэтессу на заседание молодёжной секции при редакции журнала "Литературная учёба". В этот раз Настенька пошла туда с удовольствием и познакомилась со многими сверстниками и людьми помоложе, но все были пишущими, все считали себя гениальными, все с готовностью читали свои произведения друг другу. Настенька тоже читала свои стихи, заметив, что они нравились. Это была жизнь, готовая увлечь Настеньку с головой.

Но совсем рядом шла другая. О ней напоминал следователь Кругликов. Внешность его совершенно не соответствовала его фамилии. Скорее всего, ему подошла бы фамилия Остряков или Уголков, так как вся фигура его напоминала сплошные острые углы. Лицо широкое сверху резко заострялось подбородком, тонкий длинный нос напоминал остроконечную линейку, поставленную ребром для разделения двух худых половинок лица, кадык на горле торчал, пугая мыслью, что может прорвать кожу, плечи были широкими, но грудь довольно тонкая, а потому вся фигура напоминала вешалку для одежды.

Симпатии у Настеньки следователь не вызвал. Возраст его она определила в пределах тридцати – тридцати пяти лет. Манера говорить отличалась одной особенностью: он не смот-

рел на собеседника. Задавая вопросы, не пытался увидеть по глазам, обманывают его или нет, не пытался использовать известный приём гипнотизирующей змеи. Эту роль, как поняла Настенька, у него выполняли уши. Но эта догадка пришла позже, когда Настенька проговори-лась о том, чего не следовало вообще упоминать.

Захар Иванович – так звали следователя – вёл разговор, делая записи как бы между про-чим, глядя куда-то в сторону и изредка почёсывая шею возле кадыка. Хриловатым голосом он спрашивал так, будто на самом деле его всё это и не интересовало.

– На прошлом допросе вы говорили, что насильников было трое. Первым иностранец из Алжира. Вторым Соков из МИДа и третьим потерпевший Попков. Мы это обсуждали. Двоих свидетелей у нас нет, так как, что с Попковым произошло, вы знаете, а алжирец Аль Саид, как мне сообщили, скончался от СПИДа. Об этом я и хотел поговорить с вами сегодня. Когда он пришёл в комнату, где вы находились, вы знали о том, что он болен?

– Нет, конечно.

– Так что вас это не пугало?

– Но мы же обсуждали этот вопрос в прошлый раз. Я объясняла вам, что меня вообще ничего не пугало, так как я была в бессознательном состоянии. Вы меня пытаетесь поймать, но я вам рассказываю всё так, как было.

– Хорошо. А когда вы узнали о том, что Аль Саид болен?

– Мне об этом сказал аспирант Юрий Павлович, с которым мы были на том вечере. О нём я тоже рассказывала. С Юрой мы встретились случайно в Елисеевском гастрономе, где он и сказал мне о том, что Аль Саид болен СПИДом.

– Ну, это к вам не имело отношения.

– Как же не имело? – Возмутилась Настенька, горя желанием увидеть глаза следователя, говорящего такую чепуху. Но тот продолжал смотреть в сторону, подперев теперь голову рукой.

– И что же вы потом, испугались и побежали к врачу?

– Да нет, знаете. Какой смысл идти к врачам? Вам ведь тоже известно, что эта болезнь неизлечима. Так что я сначала, конечно, испугалась, а потом пришло озлобление.

– Решили убить его?

– Во-первых, не убить. Тут вы меня не поймаете. Убивать я никого не хотела. А вот отомстить мужикам нужно было.

– Всем?

– Зачем же всем? Мне только иностранцы были ненавистны. Просто видеть их не могла. Ведь у нас в стране тогда не было никого из носителей СПИДа. Это я всё узнала, когда поняла, что заболела. Стала изучать литературу и все новые публикации. Теперь я по СПИДу профессор. Вы, может, не слышали, что сейчас в мире сто пятьдесят тысяч больных СПИДом и около полумиллиона носителей вируса, у которых проявляются симптомы болезни. А носите-лей вируса без признаков болезни около десяти миллионов. До сих пор не знают, что именно вызывает СПИД. Но появился он в Африке. Откуда, благодаря международным половым кон-тактам, распространился в Америку и Европу. Хотя есть и другие версии.

– Спасибо за лекцию. А чем же вы могли отомстить мужикам?

– Чем же ещё, как только спать с ними?

– Так вы вступали в половые отношения с иностранцами, чтобы отомстить им?

– Да, глупая была. Это недолго происходило. Всего несколько раз. Потом дошло до созна-ния и перестала.

Следователь Крупников был потрясён признанием Настеньки, но, как говорится, и ухом не повёл, чтобы не насторожить допрашиваемую. Одна его рука продолжала поддерживать голову, другая писала.

Дальше речь пошла о работе Настеньки в музее, о том были ли ещё какие-то контакты?

– Да уж были, – засмеялась она, – но это теперь не имеет значения, поскольку, как выяснилось, у меня в крови нет вирусов СПИДа, а, во-вторых, я собираюсь замуж.

Не читая, Настенька подписала протокол, и ушла. Вечером она опять рассказывала Леониду Евгеньевичу о допросе. Услышав, что Настенька рассказала следователю о встречах с иностранцами, Пермяков схватился за голову:

– Настенька, до чего же ты наивна. Ты мне всё дело испортишь. Как же можно было говорить следователю о таких вещах? Ведь они ничего не знали. Ты даже мне этого не сообщала. А теперь это им как мёд на хлеб с маслом. Они так это обыграют, что тебя любой суд примет за распутницу.

– Леонид Евгеньевич, – губы Настеньки задрожали, и она закусила нижнюю до боли, чтоб успокоиться, – я привыкла говорить правду. Если я что-то делала неправильно, так всё-таки делала, и нечего отрицать.

– Милая моя, – взмолился адвокат, – кто же тебя просит обманывать? Но тебя не спрашивали об иностранцах. Зачем же давать лишний козырь в их руки? Ты пойми, что на суде будет настоящая война между прокурором и мною. Война за то, виновна ты или нет. А ты своим признанием мне прямо нож в спину вставила.

– Ну, извините, Леонид Евгеньевич. Честное слово, не ожидала сама, что заговорю об этом.

– Ладно уж, извиняю. Только, если у тебя ещё какие-то сюрпризы есть, скажи мне заранее. Просто тебе же хуже. Настройся выслушать о себе лишнее ведро грязи, которого могло и не быть.

Пермяков улыбнулся и, постучав по своей голове ладонью, сказал:

– Хорошо, что тут есть кое-что. У меня для суда такой сюрприз приготовлен, что они никуда не денутся, а тебя оправдают.

Настенька вскинула ресницы. Голубые глазёнки вопросительно и с надеждой уставились на адвоката.

– Э, нет, – закачал головой Пермяков, – говорить тебе не буду. Ты тут же выдашь с потрохами. Сказал тебе только для того, чтобы ты особенно не переживала. Береги будущего малыша.

– А вы откуда знаете, – изумилась Настенька.

– Я ж тебе говорю, что никаких сюрпризов не должно быть для меня. Спасибо, что кроме тебя есть люди, которые предупреждают вовремя.

Судебное заседание было назначено на утро четверга двадцать третьего июня. Небольшой зал заполнился до отказа. Кроме родных Настеньки пришли почти все сотрудники музея, новые друзья Настеньки из литературного объединения, Наташа с Викой и её другом Игорем, несколько журналистов. Появился и кто-то из родственников Вадима. Процесс заинтересовал многих. Ожидалось, что длиться будет он не один день. Сколько именно, никто сказать не мог. Участники заняли свои места. Настенька впервые оказалась на скамье подсудимых.

За день до суда, Леонид Евгеньевич говорил Настеньке, что судья будет, к сожалению, мужчина, который очень дружен с прокурором. Раньше предполагалась женщина, однако закулисные игры очень сложны. Прокурор сумел организовать назначение Косторского.

Суд появился в зале – все встали. Началась обычная процедура представления суда. Задан вопрос, есть ли отводы. У обвинения – нет. У защиты...

Леонид Евгеньевич поднялся:

– Уважаемый суд, я заявляю отвод председательствующему судье.

– Причина.

– Имеется. Сегодня в журнале появилась публикация автора Аликберова, в которой есть такие строки, зачитываю дословно: "Наконец-то судебное расследование по делу об убийстве



Вадима Попкова подходит к концу. Председатель суда Косторский сообщил редакции, что виновная в убийстве Александра Болотина признала свою вину и потому процесс не обещает быть долгим. Надеемся, что читатель будет скоро извещён о справедливом возмездии".

Зал слушал в напряжённой тишине, а Пермяков продолжал говорить:

Данная статья, ссылаясь на председателя сегодняшнего заседания, называет мою подзащитную преступницей, хотя дело даже не рассматривалось в суде. Статья оказывает прямое давление на суд, а, если было заявление судьи, упомянутое в статье, то это прямое нарушение презумпции невиновности. Статья сто шестидесятая Конституции СССР гласит: "Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а так же подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом". В статье тридцать шестой говорится: "предание обвиняемого суду не предрешает вопроса о его виновности". В статье семьдесят седьмой, части второй говорится: "признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств".

Полное, почти квадратное лицо председателя суда во время выступления адвоката начало краснеть от кончика носа, который и до того был розоватого цвета, а к концу речи стало совсем бурым. Получив из рук Пермякова журнал со статьёй, судья Косторский поднялся и объявил, что суд удаляется на совещание.

Спустя несколько минут судебное заседание было отложено на неопределённое время до следующей информации. Это напоминало театральный спектакль, в котором неожиданно закрыли только что раздвинувшийся занавес. Зрители не успели ничего увидеть, а приходилось уже расходиться.

Для Настеньки несколько минут, проведенные на скамье подсудимых были очень трудными. Как ни готовила она себя морально к ситуации, но оказаться под взглядами десятков людей в ожидании, когда тебя начнут избивать словами, начнут раздевать душу всевозможными подробностями, о которых не хотелось вообще говорить, не то что перед всеми, это было значительно труднее, чем казалось, и далеко не так, как в кино. Напрягшись всем телом ещё до появления судей, Настенька не успела войти в ритм, чтобы постепенно расслабиться, когда всё вдруг кончилось. Она даже не поняла хорошо или плохо для неё то, что произошло. Ведь придётся снова настраиваться, снова напрягаться, а перед этим несколько дней нового томительного ожидания неизвестности.

Расходившиеся люди приветственно махали Настеньке руками. Большинство сочувствовало ей. Какая-то очень представительная женщина, сидевшая в первом ряду и внимательно смотревшая с самого начала на Настеньку, поднялась и хотела, очевидно, направиться к девушке, но в этот момент к ней подошёл прокурор и, взяв её под руку, повёл на выход. А к Настеньке уже спешили мама, папа и Верочка.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.